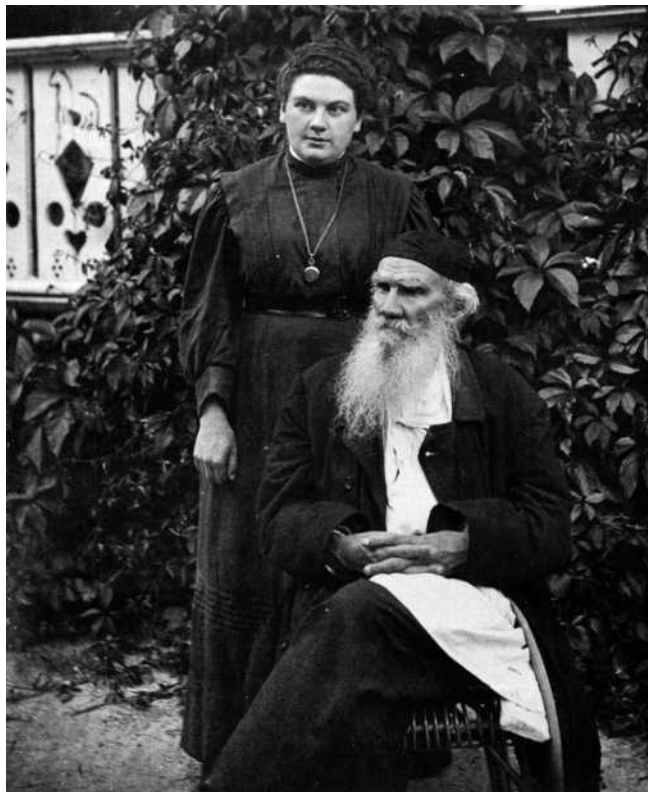

РУССКАЯ
БИБЛИОТЕКА
ТОЛСТОВСКОГО
ФОНДА

Russische
Bibliothek
Veranstaltungen
Sozialberatung

Русской Библиотеке 60 лет

**Бюллетень № 140-141
Март-Июнь 2009**

**Bulletin № 140-141
März-Juni 2009**

Das Bulletin wird seit 1975 herausgegeben.
Es erscheint vierteljährlich.
Der Herausgeber ist:

Бюллетень выходит с 1975 г.
Его издает четыре раза в год:

Tolstoi-Bibliothek
Thierschstr. 11
D-80538 München
Tel.: 089/299 775
Fax: 089/2289312

tolstoi@tolstoi-bibliothek.de
www.tolstoi-bibliothek.de

Redaktion und Verantwortung für den Inhalt:
Татјана Ершов

Главный редактор:
Татьяна Ершова

АЛЕКСАНДРА ТОЛСТАЯ

НАШ ТОЛСТОВСКИЙ ФОНД

С чувством глубокого волнения, сознания ответственности и в интересах точности и правдивости описания и никогда не прекращающейся скорби и боли за нашу пострадавшую Родину и за всех тех, кто вынуждены были ее покинуть, я принялась за этот, может быть, непосильный для меня, ответственный и тяжелый труд - описание работы Толстовского Фонда за 31 год его существования.

Только с Божьей помощью и благодаря энергии Татьяны Александровны Шауфус и жертвенной работе сотрудников, а также и доброте наших жертвователей. Толстовский Фонд смог достигнуть следующих результатов: перевезти в США (не считая других стран Европы и Южной Америки, где поселились беженцы) 23.000 беженцев, ушедших из России в поисках свободы; воссоединить путем розысков более 7.000 семей; организовать в странах Европы, Южной Америки и США старческие дома для больных (Норсинг Хом) на 1.200 русских престарелых.

Каким образом Толстовскому Фонду, не имеющему никаких денег, удалось провести всю эту работу? Только благодаря сочувствию и жертвенности друзей и заинтересованности как русских, так и американцев, материально поддерживающих Фонд. Но главное - благодаря самоотверженности сотрудников Толстовского Фонда - и ответственных, и рядовых работников. Без этих друзей Толстовский Фонд не смог бы существовать и оказывать помощь всем в ней нуждающимся. И мы, ответственные работники Толстовского Фонда, приносим им глубокую благодарность за неоценимую помощь. Невольно вспоминаешь бессонные ночи, полные тревоги. Под вопросом само существование Толстовского Фонда. Денег нет. Чем заплатить жалованье служащим в следующем месяце? Как оплатить помещение конторы? А главное, как помочь нуждающимся?

Работники Толстовского Фонда надеялись, что помогут хорошо устроившиеся беженцы. К сожалению, многие из них даже не уплатили Толстовскому Фонду своих долгов (около 90.000 долларов). Но Господь снова услышал наши молитвы. Случилось чудо. Совершенно неожиданно через нашего казначея мы получили анонимное пожертвование в 100.000 долларов. Толстовский Фонд был спасен!

А где были и где сейчас находятся люди, судьба которых когда-то была так близка и дорога всем тем, кто заботился о них, входил в их интересы, с ними вместе переживал их горести и несчастья? Вспоминают ли они о Толстовском Фонде? Или все доброе, что было для них сделано, забыто? Но лучше об этом не думать, а вспоминать мудрую французскую поговорку:

"Делай, что должно, а будь, что будет", - и радоваться, что Господь наградил тех, кто старается что-то делать для других с великой радостью и удовлетворением, что жизнь удалось прожить не только для себя, но и помочь ближнему.

Истоки

Это было в 1938 году. Я получила телеграмму от Татьяны Алексеевны Шауфус, в которой она сообщила мне, что только что приехала из Чехословакии в США и хочет меня посетить на моей ферме.

Я знала Татьяну Алексеевну еще по Москве: она и ее друг Ксения Андреевна Родзянко - обе краснокрестовские сестры милосердия - любили в первые годы революции приходить ко мне в Мерзляковский переулок, где была: главная штаб-квартира О-ва Изучения Творений Л. Н. Толстого, подготовившего первое полное 92-томное издание сочинений моего отца. Я жила рядом с редакционной комнатой, и - что было тогда редкостью - в квартире была горячая вода и ванна. Сестры приходили ко мне мыться. Иногда моя племянница Анечка Толстая и я пели русские и цыганские песни под мой аккомпонемент на гитаре.

А потом я потеряла сестер из виду, но вскоре узнала, что они обе арестованы и сидят в ивановском лагере.

Одновременно арестовали и меня. Но я просидела только восемь месяцев, а сестер приговорили к пяти годам тюрьмы и ссылки.

И вот теперь, 16 лет спустя, Татьяна Шауфус меня нашла на маленькой ферме в Коннектикуте, где я жила вместе со своим другом Мартой Кнутсон, тяжело работая.

- Что ты в этой глуши делаешь? - спросила меня Татьяна Алексеевна. - Навоз чистишь в своих курятниках?

Она рассказала, что приехала в Америку из Чехии по вызову Американского Красного Креста. В Чехии она работала под руководством дочери президента Масарика - Алисы Масарик - в комитете помощи беженцам, главным образом из Чехословакии и Франции; где русским очень тяжело жилось. Проговорив несколько дней и ночей об организации этого дела, мы решили действовать.

Но как? Кто поможет? Откуда взять средства?

Случайно мы встретились с председателем Детского Общества Алексеевой. Она очень сочувственно отнеслась к идее создания Комитета, который помогал бы не определенным группам русских: детям, лицеистам, правоведам, институткам, докторам, инженерам, инвалидам, - а помогал бы всем русским, нуждающимся в помощи.

Чтобы помочь нам в организации, Алексеева предложила новому нашему Обществу, которое должно было организоваться, войти как подраздел в Детское Общество. Но был избран другой путь.

Ранней весной 1939 года на квартире Б. А. Бахметьева было созвано первое организационное собрание, в котором принимали участие Б. А. Бахметьев, Г. В. Сергиевский, С. В. Рахманинов, друг бывшего президента Хувера - д-р Колтон, проф. Ростовцев, графиня С. В. Панина, присяжный поверенный Грэвс, Т. А. Шауфус и я.

В память Л.Н. Толстого собрание решило назвать этот новый Комитет Толстовским Фондом. Толстовский Фонд был зарегистрирован в Ньюйоркском штате в апреле 1939 года. Б. А. Бахметьев и Б. В. Сергиевский были первыми жертвователями, давшими Татьяне и мне возможность начать работу.

Здесь же, на первом заседании Б. В. Сергиевский подписал свой первый чек в 25 долларов на канцелярские расходы. Это был наш первоначальный капитал, положенный в основу Толстовского Фонда.

В самом начале организации Толстовского Фонда Татьяна Алексеевна Шауфус работала в Американском Христианском Комитете. Позднее, когда деятельность Толстовского Фонда расширилась, Т. А. Шауфус пришлось уйти из этого Комитета, всецело отдаться работе Фонда и в дальнейшем развернуть широкую международную помощь для русских беженцев. У нас не было никаких средств, социальная работа в США была нам незнакома, и только вера в необходимость этого дела и уверенность в успехе дали организаторам силу и энергию поднять его с помощью друзей: Бахметьева, Сергиевского и старого друга Татьяны Алексеевны д-ра Колтона.

Епископальный Комитет предоставил мне стол в своей конторе на 4-й Авеню. Там же позднее Толстовский Фонд снял одну комнату и два раза в неделю приходила стенографистка за плату 5 долларов в день.

С чего начинать? Что делать? - Собирать средства. Но как? Писать воззвания? А как их писать? Диктовать письма, отношения? Но надо уметь диктовать, особенно по-английски, а я в жизни никогда никому не диктовала.

Сухая, педантичная, не улыбающаяся секретарша, поджав тонкие губы и держа наготове в костлявой руке, с полированными красными ногтями, карандаш, многозначительно, с явным ко мне презрением молчала, ожидая окончания длинных пауз, когда председатель Толстовского Фонда, волнуясь, как ученица перед учительницей, долгими минутами искала подходящих слов.

В конце концов первое воззвание о помощи было разослано и первое пожертвование пришло от заведующего Питтсбургским музеем Авинова - три доллара.

Постепенно работа налаживалась. Поступали новые пожертвования. Толстовский Фонд начал помогать беженцам во Франции и в Чехословакии.

Война советов с Финляндией

В том же 1939 году, 30 ноября, Советы объявили войну Финляндии. Казалось бы, что мощный гигант - Советский Союз со своей громадной армией, напавший на маленькую Финляндию с миллионным населением, мог легко ее раздавить. На самом же деле красные потерпели позорное, небывалое в истории поражение, показав миру всю свою жестокость, бесчеловечность и полную дезорганизованность. Финны героически защищали свою страну против многотысячного Советского войска.

Полураздетые, в легких шинелях, в разлезавшейся на ногах плохой обуви, голодные, холодные, гонимые с тыла пулеметами, красноармейцы покорно шли вперед, не ведая, куда их гонят, умирая от истощения, замерзая при сорокаградусном морозе в лесах Финляндии.

Одних пленных было взято финнами около 50.000. А сколько тысяч русских людей было убито, сколько позамерзло, сколько умерло от истощения! Этого никто никогда не узнает. Недаром финляндский министр Прокопэ назвал эту войну "черным маршем назад к средневековью".

В январе 1940 года финский солдат в письме к своему дяде так описывает красноармейцев: "Вы редко увидите русского солдата в обуви. На ногах обертки, вырезанные из грубых мешков, сапоги вшивые, грязные. Командующий ими офицер часто стреляет в своих солдат сзади, чтобы заставить их идти в бой. Много советских аэропланов добровольно снизились на нашей стороне, чтобы не

идти в бой..."

Жестокость и бесчеловечное отношение советского правительства к русскому человеку выражались еще в том, что большевики отказались подписать Интернациональное Женевское соглашение об оказании заботы и помощи военнопленным. Все страны подписали соглашение и должны были делать регулярные взносы за своих военнопленных, за исключением советской России. А маленькая, истощенная войной Финляндия не могла прокормить, обути, одеть 50.000 пленных солдат.

Между тем все симпатии Америки и свободного мира были на стороне пострадавшей от советских варваров Финляндии. Американцы обвиняли не коммунистическое советское правительство, а русских, не понимая того, что русские люди больше всего пострадали от этой жестокой, бессмысленной войны, где десятки тысяч погибли в нечеловеческих страданиях.

Один только Международный Крест посылал русским военнопленным продовольственные посылки в Финляндию. Толстовский Фонд немедленно объявил сбор пожертвований и начал помогать военнопленным через Международный Красный Крест. Это было первое значительное дело Толстовского Фонда. Большое участие в этой работе принял князь Чавчавадзе. Было послано продовольственных посылок на 34.000 долларов, но русские солдаты так никогда и не узнали, что не только Американский Красный Крест, но и русские люди в эмиграции через Толстовский Фонд горячо отозвались на их страдания, и что посылки им были посланы их соотечественниками. Свои благодарственные письма они направляли Красному Кресту.

Какие это были трогательные письма! Красный Крест разрешил Татьяне Алексеевне и мне их прочитать. Сколько в них было сердечной душевности, тоски, страдания, благодарности, что на чужой стороне их не забыли. Трудно было их читать без слез! И какая глубокая вера жила в этих людях! Одни просили посылать им нательные кресты, другие - Евангелие... И Толстовский Фонд исполнил их просьбу, послал военнопленным - через Библейское Общество - 5.000 нательных крестов и 10.000 Евангелий.

Но несмотря на нашу помощь и помощь Красного Креста, финнам трудно было прокормить военнопленных, и по окончании войны красноармейцы были возвращены в советскую Россию.

В историю большевистской диктатуры вошло еще одно страшное злодеяние. Мы слышали, что 36.000 оставшихся в живых военнопленных красноармейцев, выданные Советам, были расстреляны.

Чудо-ферма Толстовского Фонда

Когда у нас с Т.А. Шауфус спрашивали: "Как существует Толстовский Фонд?" - мы отвечали: "Чудом Божьим". Одно из таких чудес случилось ранней весной 1941 года. У нас давно зародилась мысль: устроить на ферме пристанище для русских эмигрантов, где бездомный русский человек мог бы найти кров и работу.

Эту мысль поддержал Бахметьев: "Если вы обе будете заведовать фермой, я вложу в это дело первые 5.000 долларов", - сказал он. Но несмотря на то, что земля была тогда гораздо дешевле, приобрести подходящее имение с постройками за эту цену было невозможно. Все же мы стали искать подходящую ферму.

Татьяна Алексеевна работала в конторе помощи христианским беженцам, а мы с Мартой Кнутсон, нашим большим другом, ездили смотреть фермы, рекомендованные американской конторой по продаже недвижимого имущества. Но все, что мы видели, или было слишком дорого, или слишком плохо.

Но вот агент предложил нам посмотреть очень хорошую, как он нас уверял, ферму ценой в 15.000 долларов, в 30 милях от Нью-Йорка. Нам там очень понравилось, и в воскресенье, когда Татьяна была свободна, мы все трое поехали осматривать ферму. Агент поехал с нами. Он сообщил, что ферма принадлежала мисс Харкнес, богатейшей женщине, создавшей Фонд своего имени. Фонд этот жертвовал и строил больницы и университеты.

В этом имении раньше была санатория для детей с сердечными болезнями. Но из-за того, что в доме три этажа, а детям было запрещено ходить по лестницам, - санаторию закрыли и имение опустело.

Красивая лесистая местность, дорога из Нью-Йорка вдоль реки Гудзон. Тут и там раскиданные белые домики, большие полноводные озера. Ферма - 70 акров, два дома, много построек - все в хорошем виде, артезианский колодец. Но 15.000 долларов!

А у нас были только обещанные Бахметьевым 5.000. Как быть? Может быть, можно получить заем в банке?

Иногда в контору помощи христианским беженцам приходила по делу американка, с которой у Татьяны Алексеевны создались дружеские отношения.

- Что с Вами? - как-то раз спросила американка. - Вы сегодня точно чем-то озабочены...

- Ну да, я не знаю, как быть, - ответила Татьяна Алексеевна. - Толстая задумала купить ферму для поселения беженцев. Ферму нашли, но она стоит 15.000 долларов, а у нас только 5.000...

- А кому принадлежит ферма?

- Г-же Харкнес.

- Ах, эта самая Харкнес, которая построила Медикал Сентер и Йельский университет. Мой муж очень дружен с г-жой Харкнес. Он поговорит с ней.

Прошло несколько дней. Я работала в своей конторе, когда зазвонил телефон и меня вызвал заведующий Commonwealth Foundation. Он задал мне несколько вопросов. Главный вопрос был, какой процент тратит Толстовский Фонд на организационные расходы? Этот вопрос поставил меня в тупик. Но моя строгая секретарша быстро высчитала, сколько мы тратим на организационные расходы. Оказалось, три процента. И мы ответили через два дня. А еще через несколько дней снова звонок по телефону: Г-жа Харкнес жертвует Толстовскому Фонду свое имение... Я чуть со стула не упала. Свершилось чудо. Толстовский Фонд бесплатно получил большое ценное имущество. И работа закипела.

В начале июля 1941 года состоялось торжественное освящение фермы Толстовского Фонда и первого детского лагеря.

Перед главным домом, под старыми деревьями, митрополит Феофил служил молебен и освящал дома на ферме. Собралось на это торжество много народа из Нью-Йорка и окрестностей.

Во время торжества вдруг низко опустился гидроплан и стал кружиться над толпой. Это наш друг Сергиевский летал над фермой. Он опустился на озере Рокланд, откуда его привезли на ферму.

Во время обеда, когда все гости ели, пели и веселились, я заметила старушку, она сидела в уголке одна, на террасе большого дома и горько плакала. Я подошла к ней.

- Что с Вами?

- Я только что похоронила дочь, - ответила старушка и снова зарыдала. - Зачем живу, сама не знаю. Хромая, старая, одинокая. Кому я нужна? Мне стало бесконечно ее жаль.

- Вы нам нужны. Переезжайте к нам, и мы постараемся хоть отчасти заменить Вам семью.

- Неужели это возможно?

- Конечно, возможно. Это дом для вас - одиноких. И Мария Александровна Михайлова стала членом нашей семьи. Остроумная, веселая, но требовательная к себе и другим, она помогала всем, чем могла. Пела в церковном хоре, вышивала и шила облачения для церкви. А когда купили дешевые доски для строившегося курятника и они оказались с гвоздями - все мы, обитатели фермы, даже старшие дети, занялись очищением от гвоздей этих досок, и к великому нашему удивлению, Мария Александровна присоединилась ко всей компании, вытаскивала гвозди и всех веселила своим остроумием и энергией.

Вспоминая это прошлое, невольно думаешь: куда оно девалось? Что случилось? Почему в то время был такой подъем, когда люди работали ради идеи, дела, не считая ни часов, ни грошей? И как все были счастливы, довольны, дружны...

Работая, мы пели. Мария Александровна пела чистым, приятным сопрано, я вторила, а остальные подхватывали:

(В саду ягодка малинка
Под прикрытием росла...)

Приобретение фермы было огромным событием в жизни Толстовского Фонда, сыгравшим огромную роль в дальнейшей его деятельности.

Истоки

Создавалась ферма буквально из ничего. Пустые помещения: ни стола, ни стула, ни одного инструмента. На ферме никого, кроме старика-сторожа с женой, живших в одном из домиков. Надо было обзавестись решительно всем, чтобы пустить дело в ход.

5.000 долларов Бахметьева употребили на оборудование. Квакеры пожертвовали кровати; богатая американка подарила двух громадных породистых коров, другая американка подарила свинью - родоначальницу многих поколений, которых в последующие годы расплодилось на ферме великое множество.

Татьяна Алексеевна Шауфус, Марта Андреевна Кнутсон и я переехали из Нью-Йорка на ферму. Наш старый "Форд" не знал отдыха. Татьяна Алексеевна приобрела на аукционах мебель по баснословно дешевым ценам: стулья по 50 ц. штука, которые служат и поныне. Я работала в огороде с двумя мальчиками, сыновьями единственного тогда работника, Емельяна. Его жена Анна Емельяновна, спокойная, очень хорошая женщина, работала на кухне. Позднее мы приобрели трактор, на нем я обрабатывала огород, косила и сгребала сено. М. А. Кнутсон занималась хозяйством и, с развитием дела, вела куроводство, а

позднее, в продолжение ряда лет, состояла директором детского лагеря.

Как-то раз летом, в разгар работ, на ферме появилась группа детей бойскаутов во главе с их руководителем Lad Johnson Пухальским. Lad оказался деятельным членом FROC (Федерация русских православных клубов). Он заинтересовался Толстовским Фондом и привлек к работе ряд членов Клуба, оказавших нам неоценимую услугу. Эти молодые люди не брезгали никакой работой: мыли, чистили, таскали и расставляли кровати - и, что самое главное, эта доброжелательная, веселая, готовая помочь молодежь поддерживала здоровое и радостное настроение среди устроителей фермы.

Постепенно, год за годом строилась ферма. Работники Толстовского Фонда не искали нужду: она сама отыскивала Толстовский Фонд - и он шел ей навстречу. Так создавался на ферме детский дом. Откуда-то Т. А. Шауфус узнала, что в Нью-Йорке в доме для беспризорных есть двое русских детей: брат и сестра. Т. А. Шауфус пришла в ужас от обстановки. В этом доме дети находились в ужасающих условиях, в полутемных комнатах, взаперти, без воздуха, без развлечений, как в тюрьме, рассказывала Татьяна Алексеевна. Узнав, что родители их - в сумасшедшем доме и у детей никого нет, Татьяна Алексеевна, недолго думая, забрала их на ферму. Это положило начало детскому дому. Дом быстро наполнялся, и скоро набралось около 12-15 детей - сирот и полусирот.

Почти с самого начала существования фермы возник вопрос о создании церкви. Единственное место, где можно было организовать домашнюю церковь, было в главном трехэтажном доме, в самой большой комнате второго этажа. Собрали имеющиеся иконы, священник освятил наш маленький храм, составили из живущих хор - и начались богослужения, хотя не было даже иконостаса. Сначала священником был отец Инна, простой человек, но добрый, ласковый, - мы все его полюбили.

Он был очень болен и пробыл у нас недолго. Когда он скончался, его заменил епископ Савва; беженец из Польши.

Владыка Савва очень любил детей, преподавал Закон Божий, работал с ними на огороде и даже ходил с ними на озеро купаться.

Сколько людей прошло через ферму! Всякое дело процветает, если люди бескорыстно, целиком ему отдаются, и чем больше они делают, тем больше разрастается дело. Растет их сила и любовь к делу. Сколько людей радостно, жертвенно отдали свои силы на его создание, работали не покладая рук - днем и ночью.

Разве можно забыть Марточку, как ее все звали? Таких людей больше нет, и, пожалуй, не будет. Обычно, люди, естественно, отдают свое время и силы семьям, работе, которая приносит им материальный успех, и немногие бескорыстно отдают себя целиком общественной работе.

Марта Андреевна Кнутсон была одной из тех, для кого личные интересы были всегда на заднем плане. Деньги? Они ее совсем не интересовали. Она их все равно раздавала. Одеждой она не интересовалась. Носила черные или темно-серые костюмы и всегда очень чистые, с высокими воротничками, блузки.

Гладко причесанные белокурые волосы, которые не знали завивок, ласковая улыбка, милые, добрые серые глаза гармонировали со всем ее женственным обликом. Силы, здоровье? Они нужны были ей для того, чтобы делать дело, в которое она верила.

Она училась на Высших Женских Курсах и всю жизнь была учительницей.

Дети для нее были самой большой радостью в жизни, и она отдавала им все свои силы. Когда она была с детьми, серо-голубые глаза ее под светлыми ресницами сияли бесконечной лаской и добротой - и она была счастлива. Марта Андреевна была шведского происхождения. После революции она работала в Ясно-Полянской школе, сначала учительницей, а потом в качестве моей заместительницы по опытно-показательной станции Ясной Поляны, объединявшей четыре детских сада, четыре школы первой ступени: семилетку и десятилетку.

Когда я уехала из России и через год поселилась в Америке, на маленькой ферме, которую я купила за тысячу долларов, заработанных лекциями и журнальными статьями. Марта приехала ко мне. А в 1941 году, когда фонд имени Харкнес подарил нам ферму. Марта Андреевна, вместе с Татьяной Алексеевной и со мной, поселилась на ферме. И работа закипела.

Чего только Марта не умела делать! И никакой работой она никогда не брезговала: шила, великолепно готовила, изучила куроводство, печатала на машинке, но основное ее призвание было - работа с детьми.

Марта делала все медленно, не спеша, но все, что она делала, было продумано и выполнено аккуратно, до конца.

Я помню, как привезли маленьких цыплят на Толстовскую Ферму и поместили в недавно выстроенном курятнике. Печи только что были поставлены, и нужно было точно соблюдать температуру, чтобы цыплята не замерзли и не перегрелись. Марта Андреевна так волновалась за цыплят, как бы чего с ними не случилось ночью, что перенесла в курятник походную кровать и ночевала там вместе с цыплятами, следя за температурой. И так продолжалось около недели.

Когда у нас некому было готовить, Марта Андреевна надевала фартук, становилась у плиты и готовила обед и ужин. Когда некому было убирать и мыть полы, Марта Андреевна, подоткнув юбку, выполняла эту работу.

Когда в 1947-1948 году мы иногда в 2-3 часа утра встречали Ди-Пи, а бывали партии в 50-70 человек. Марта Андреевна, отпустив кухарку, кормила ужином беженцев, приехавших из Германии, Австрии, Италии, и для всех у нее находилось доброе и ласковое слово.

Заботами Марты Андреевны все двойные кровати, которые тогда использовались из-за недостатка мест, были аккуратно накрыты, висели чистые полотенца. Для детей стояли маленькие кроватки.

Марта Андреевна никогда не жаловалась на усталость, только иногда еще более бледнело ее бледное лицо.

Когда на ферме был организован Дом для детей - сирот и полусирот. Марта Андреевна стала им заведовать - и это была действительно ее сфера. Она редко наказывала детей, но ее слезы огорчения, ее печаль, когда дети делали что-либо плохое, действовали на них сильнее всякого наказания. "Не сердитесь, Марта Андреевна, больше никогда не буду!" Дети, да и все ее любили. Разве можно забыть этого святого человека?

Разве можно забыть еще одного преданного нам работника, который вместе с нами создавал дело - Леонидыча, с его большими, заскорузлыми от работы руками, ласковой, полузастенчивой улыбкой, с его преданностью Церкви?

Леонидыч пришел на ферму работать с артелью русских плотников. Почему-то плотники эти работали только по ночам, днем же напивались пьяными и спали. И Леонидыч с ними. Но когда работы закончились и плотники ушли, Леонидыч

остался на ферме и с годами врос в нее и сделался необходимой ее принадлежностью.

Он делал все: пел, читал в церкви, построил иконостас, столярничал, красил, проводил электричество, чинил машины...

Но в большие праздники или на именины Леонидыч неизменно напивался, и только Татьяна Алексеевна могла с ним справиться и убедить его пойти спать. Татьяну Алексеевну он обожал и признавал только ее авторитет.

Несколько лет жила на ферме Анна Ильинична Андреева - вдова писателя. Веселая, жизнерадостная, любившая шутки и сама часто добродушно подшучивавшая над обитателями фермы, она вносила большое оживление в нашу среду. Работала она в яичной, сортировала, мыла, укладывала яйца на продажу. Когда она рассказывала о своем покойном муже, большие карие глаза ее загорались и когда-то прекрасное лицо точно прояснялось и молодело.

Но генералом в яичной была старушка Евгения Николаевна Навроцкая. Быстрая, энергичная Евгения Николаевна работала не за страх, а за совесть. Откуда эта уже не молодая, образованная, очень начитанная дама, жена одесского общественного деятеля, научилась так работать? Она шла на все, только бы заработать побольше денег для Толстовского Фонда.

- Евгения Николаевна, Вы положили маленькое яйцо в ящик с большими - этого нельзя делать!

- Бросьте, никто этого не заметит, а большие яйца мы продаем дороже.

Рассказывали, что когда один раз кошка утащила цыпленка и отъела у него крыло, Евгения Николаевна его обмыла, обчистила и ... продала. Покупатели, приходившие за яйцами, ее любили. По-английски Евгения Николаевна не говорила, говорила по-французски и по-немецки, и посетители, в большинстве местные евреи, ее прекрасно понимали.

Откуда стекались на ферму насельники - сказать трудно.

По просьбе вдовы Шаляпина был приглашен на ферму его менеджер Марк Бичурин, прибывший из Чехословакии. Ему необходим был отдых. Но долго отдыхать ему не пришлось - он очень скоро присоединился к общей работе. Этот большой и грузный человек в первый раз в своей жизни работал физически: кряхтя, обливаясь потом, он стриг газоны, таскал камни для фундаментов курятников, которые строили добровольцы-казаки. Но сидеть и отдыхать в кресле, когда кругом все работали, он не мог. И мы добродушно над ним посмеивались.

Немногочисленные старожилы фермы с удовольствием вспоминают эти первые годы жизни на ферме... Вот поспевают томаты... Под тенистыми деревьями расставляются столы, томаты чистят, сортируют, укладывают в корзины. В этот "томатный клуб", как его звали, собирались все. Обычно во время работы рассказывались все новости. Часто обсуждались планы на будущее. Иногда пели песни, вспоминали прошлое. А укладывать томаты надо было умело. По сортам. Нижний ряд заполнялся более мелкими и не совсем спелыми томатами, а верхний - спелыми и самыми крупными. А когда корзины были заполнены и взвешены (требовался известный вес), их грузили в автомобиль и около часу ночи Татьяна Алексеевна с Леонидычем ездили в Нью-Йорк, на Вашингтонский базар их продавать. Сдав товар, грузовичок наполнялся ящиками фруктов, которые накануне праздников продавались за бесценок. А на следующий день снова собирался клуб, на этот раз "абрикосовый" или "персиковый". Фрукты

сортировались и консервировались - сотни банок на зиму. Эти фруктовые "клубы" особенно любили все работающие, так как можно было вдоволь наесться различными фруктами.

Заведующие домом и летним лагерем менялись, но основные принципы сохранялись как в детском доме, так и в лагерях: религиозное воспитание детей, изучение русского языка, знакомство с русской культурой, сельским хозяйством и спорт.

В церкви пели все, кто только мог, а регентом нашим был Слуцкий, ученик знаменитого регента Кошевского, управлявший в прошлом большими церковными хорами в Киеве, а теперь - несколькими безголосыми сотрудниками фермы. Но лучше всех пел баритоном и читал Леонидыч, и всех покрывал молодой звучный голос - сопрано - самой старой из всех, М. А. Михайловой.

Но вскоре наш чудесный регент и милейший человек умер, и тогда каждую субботу из Нью-Йорка приезжал управлять хором граф Ламсдорф. Владыка Савва уехал в Англию, и в 1946 году из Франции приехал отец Михаил Еленевский со своей матушкой и двумя малолетними сыновьями. Младший Саша находился еще в колыбельке, а старшему Сергею было три года. Этот ребенок сразу всех обворожил: по-детски серьезный, спокойный, он почти никогда не плакал, ласково-добродушно с высоты своего безгрешного величия смотрел на мир, на нас - и чудесно улыбался.

Мирно и дружно протекала жизнь фермы, и никто не подозревал, какую громадную роль в деле переселения беженцев из Европы сыграет Толстовская ферма после Второй мировой войны; дав приют и временное пристанище многим тысячам русских людей и позднее - сотням престарелых и больных.

Точно не помню, в каком это было году. Но это было в начале Второй мировой войны. И хотя мы были далеко от нее - все же во всей жизни мы чувствовали, что происходило на фронте.

Постепенно исчезали продукты, сахар выдавали по известной норме, исчезали предметы первой необходимости, трудно было купить новый автомобиль - они исчезли с рынка и те, которые оставались, поднялись в цене.

Одно время мы с Татьяной Алексеевной остались совсем без автомобиля, что в то время было большим неудобством. Для всех поездок у нас был только один маленький фордовский грузовичок.

Вот так это случилось:

Утром наш верный Леонидыч, зайдя в гараж, увидел, что нашего "Форда Меркурия" нет. Он забеспокоился и помчался к нашей сотруднице Нине Рузской. "Нина Александровна, Вы дома?" - "Ну да, дома, а что?" Но Леонидыч уже помчался дальше. Запыхавшись, он вбежал в комнату Татьяны Алексеевны. "Татьяна Алексеевна, Вы дома?" - "Ну что за глупый вопрос? Почему Вы спрашиваете?" Но Леонидыч уже бежал дальше ко мне: "Александра Львовна, Вы тоже дома?" - "Ну да, в чем дело, как видите, я дома!"

"Вы то все дома, но машина ваша не дома! И сотник Иван не дома".

Зазвонили телефоны, полиция дала знать во все концы, но наш чудесный "Меркурий" исчез. Ни новую машину, ни старую купить в то время было почти невозможно. Но месяца через два "Меркурий", разбитый, поломанный, был найден полицией во Флориде. Мы его починили и снова начали ездить.

Казаки оказали нам громадную помощь - безвозмездно поставили четыре больших курятника. Никакого формального договора между казаками и

Толстовским Фондом не было, но предполагалось, что наш Фонд передаст Обществу Казаков около пяти акров земли, граничащей с дорогой с южной стороны и с Joі Asges, принадлежащим Еврейскому Обществу, - с другой.

Старший в казачьей группе разговаривал медленно, важно, с растяжкой, басом цедил слова, покручивая длинный сидящий ус, как - будто делал вам великую честь.

Пели казачьи песни. Жгли на лугу около овражка костры, ели, распивали бочки пива, может быть, пили и кое-что покрепче пива - не знаю. Откуда-то появилась лошадь. Казаки по очереди лихо гарцевали на ней по лугу.

День подходил к концу. Едва державшийся на ногах старый казак Г... полез на лошадь, поскакал, но тот час же как куль свалился с лошади. Когда казаки привели его к нам в дом, мы сразу увидели, что бессильно мотавшаяся рука - сломана, и я немедленно, с трудом усадив старика в машину, повезла его к доктору. Доктор - италянец, жена его, медсестра, - русская еврейка. "Не двигайте рукой, - кричал доктор, - сдвинете кость!" - "Не двигайте руку", - уговаривала жена доктора, стараясь удержать руку, которой размахивал казак.

"Ах ты,..! - орал Г..., которого уже совсем развезло от пива и вина, - ты что, не понимаешь, мать твою так, кто я таков, мы - казаки, мы родину защищали!" - и снова следовали ужасные ругательства.

"Блэк аут, сирены". Все огни потушены. Полная тьма. Вдребезги пьяные казаки шатаются по усадьбе, их не видно. Слышны только пьяные крики, хохот.

В гостиной - наш директор и казначей. Он приехал, чтобы подписать с казаками договор. Тут же Татьяна Алексеевна и атаман.

Но я была так раздражена тем, что казаки перепились, что мне пришлось развозить всех пьяных на автобусе до ж.-д. станции, - что я заупрямилась. Что нам делать, если казаки будут устраивать на ферме эти попойки? Зачем это нам?

И я, несмотря на неловкость создавшегося положения, отказалась подписать соглашение. Может быть. Бог мне помог. На том участке, который предполагалось отдать казакам, теперь красуется великолепное, трехмиллионное здание Норсинг Хом, которое обслуживает 96 русских больных стариков и, вероятно, будет им давать покой, уход и заботу еще многие годы.

Война и Власовцы

В то время как на ферме и в конторе Толстовского Фонда шла спокойная, созидательная работа, назревали страшные события. Весь мир кипел и бурлил, как котел. Сгущалась, словно перед грозой, насыщенная тревожным ожиданием тяжелая атмосфера: что-то будет завтра?

Не успела кончиться война в Финляндии, как новая война потрясла мир. Немцы, по приказу Гитлера, несмотря на отчаянное, храброе сопротивление поляков 1-го сентября 1939 года заняли Польшу. И вслед за этим, 18 сентября того же года Советы подписали договор с Гитлером.

Разгоралась Вторая мировая война, в которой прямо или косвенно участвовало 70 наций.

Многие миллионы русских людей в Советском Союзе и русские, рассеянные в других странах, с надеждой следили за Власовским движением. Тому факту, что генералу Власову пришлось временно стать под защиту немцев, русские, в большинстве ненавидящие нацистов, не придавали большого значения. С одной

стороны - Сталин, с другой - Гитлер. Иные, сохраняя жизнь, искали временного спасения под коммунистами, другие - под нацистами. Середины не было... Но люди Запада в то время сознавали только опасность со стороны нацистов, они были слепы и не видели смертельной опасности коммунизма, грозившей всему миру.

РОА, генерал Власов - вот откуда русские люди ожидали спасения. Они записывались сотнями тысяч в его армию. Но сначала немцы, потом союзники его предали. Казнь генерала Власова в Советском Союзе - как "изменника Родины" - является одним из величайших злодейств нашего времени. Союзники не ведали, что творили - на свою голову, - выдав Власова коммунистам.

Понять и объяснить, что произошло в дальнейшем в христианском мире, невозможно.

11-го февраля 1945 года в Ялте было подписано соглашение между тремя великими мира сего - о насильственной репатриации на родину всех советских граждан, находящихся во всех оккупированных союзниками странах. Разыгралась одна из самых страшных трагедий нашего времени. Великая, известная своим гуманизмом и жертвенностью свободная Америка, всегда оказывающая помощь народам в беде, - будь то голод, землетрясение или потоп - здесь впервые, попирая свою конституцию, собственные идеалы свободы, человеческого достоинства и права, неоднократно провозглашаемые двумя знаменитыми вождями мира - Рузвельтом и Черчиллем, - обрекла сотни тысяч людей на мученическую смерть, на нечеловеческие пытки или, в лучшем случае, на бессрочную каторгу. Может быть, полубольной Рузвельт не знал, что творил, но Черчилль, умный, образованный "великий государственный муж", пользующийся до сих пор такой известностью и уважением, - неужели он не знал, что он вместе с Рузвельтом подписал в угоду большевикам смертный приговор миллионам людей, искавшим свободы?

Воспользовавшись временной оккупацией немцами юга России, люди сотнями тысяч уходили в Германию, Австрию, Италию. Они готовы были терпеть немецкие концентрационные лагеря, постоянные издевательства, холод, голод, только бы снова не попасть в коммунистическое рабство.

Но разве они могли себе представить, что их ожидало, когда бежали из советской России, ища свободы?

Какой жестокой иронией звучат слова распоряжения, которые легли в основу приказа УНРА:

"Мы обязуемся оказывать всякую необходимую помощь, дающую нам уверенность, что эти военнопленные и штатские будут быстро репатрированы".

Мы приводим некоторые параграфы из этого замечательного документа Главного Управления Соединенных Союзных военных репатриационных сил под заглавием "Руководство по обращению с лицами в рассеянии сущими в Германии".

Это руководство издано как бы в помощь военным и правительственным лицам, работникам организаций помощи и всем работающим в деле устройства и репатриации беженцев.

"Освобожденные советские граждане. С гражданами Советского Союза, освобожденными после 11 февраля 1945 года, поступят так же, как с другими гражданами Объединенных Наций, но для них будут выработаны следующие дополнительные правила:

После установления их личности советские граждане в рассеянии сущие (Ди Пи) БУДУТ РЕПАТРИИРОВАНЫ НЕЗАВИСИМО ОТ ИХ ЖЕЛАНИЯ, ХОТЯТ ОНИ, ИЛИ НЕ ХОТЯТ.

Никто никогда не узнает точного числа насильственно репатриированных в Советскую Россию.

Уполномоченный Совнаркома по делам репатриации генерал-полковник Голиков во время интервью с корреспондентом ТАСС ("Правда" от 7-го сентября 1945 г.) заявил:

"Необходимо с признательностью отметить большую помощь союзников в возвращении на родину освобожденных от немецкого плена советских граждан. Об этом говорит сама уже цифра - более двух миллионов переданных нам союзниками советских граждан".

По имеющимся в Толстовском Фонде сведениям были репатриированы среди других:

Первая дивизия ген. Власова - 20.000; вторая дивизия ген. Власова - 15.000; Авиация ген. Мальцева - 2.000; из Дахау - 200; из Платлинга и Айблинга (Германия) - 1.500; Римини -200; из-под Касселя - 120; из корпуса ген. Панвица - 30.000; казаков из Лиенца -25.000; из Италии - 6.000.

Приблизительное число насильно репатриированных советских граждан, по данным, полученным Толстовским Фондом, не считая 1.500.000, умерших в плену: из Западных зон - 800.000, из Восточных зон - 1.000.000, что более или менее совпадает с цифрами, данными Совнаркомом.

А кто они были, эти мученики?

Это были люди, которые сражались за свободу России: власовцы РОА, Югославский корпус и многие другие.

"Кровь леденеет, - писал в своей книге казачий генерал Науменко, - когда вспоминаешь, как матери, прижимая к груди малюток-детей, бросались с ними в реку, когда люди бросались под гусеницы танков, резали себе вены, животы, стрелялись, вешались, когда людей эти "представители культуры и демократии" - англичане - избивали дубинками, вбрасывали, как дрова, в грузовики и в запломбированных вагонах отправляли на Восток".

Привожу полностью перевод с немецкого.

Ротвейль Август 30, 1945 г., Областным мэрам.

Мэру Роттвейля

По вопросу репатриации

По поводу моего приказа от 27-го июля 1945 г., в котором я распорядился, чтобы все граждане Советского Союза были извещены, что они обязаны зарегистрироваться в ближайшем П. Д.Р. лагере не позднее 1-го августа 1945 года. Представитель Совета Народного Комиссариата, которому поручена репатриация советских граждан (русские, украинцы и другие) еще раз напомнил мне в письме от 29-го августа 1945 года, что все советские граждане, которые живут в округе Ротвейля, должны зарегистрироваться в ближайшем лагере П. Д.Р. для репатриации. Последний транспорт отбывает 2-го сентября 1945 года.

Прошу сообщить об этом советским гражданам и затем мне доложить, выполнен ли мой приказ теми, кого он касается.

Это должно быть исполнено до 1-го сентября 1945 года. Случаи, когда люди

отказываются выполнить настоящий приказ, должны быть мне доложены с точным адресом людей и причинами отказа.

Данные сроки должны быть точно соблюдены.

Подпись неразборчива.

В распоряжении той же мэрии в Ротвейле 2-го октября 1945 года в дополнение к распоряжению от 30-го августа сообщалось, что "все балтийские народности не признаются советскими гражданами, а поэтому закон о насильственной репатриации к ним не относится".

Вот что писал владыка митрополит Анастасий - глава Синода Русской Православной Церкви в изгнании - генералу Двайту Айзенхауэру, главнокомандующему американской армией, 25-го апреля 1945 года (но его голос был голосом вопиющего в пустыне):

"...С чувством глубокого удовлетворения эмигранты из разных стран, находящиеся в настоящее время в Германии, радуются победе союзников. Чем тяжелее была жизнь в изгнании, чем тяжелее была еженедельная работа и жизнь, полная лишений и невзгод, тем сильнее все эмигранты стремились вернуться домой, к своим родным. Только русские в Германии, численность коих была значительно больше, чем иммигрантов других национальностей, - были в громадном большинстве лишены этого. Трудно человеку понять их психологию, понять людей, предпочитающих очень тяжелую жизнь за границей возможности вернуться домой. Нет никакого сомнения, что русские люди так же любят свою родину, как французы, балтийцы и итальянцы... Они предпочитают остаться за границей, где они не имеют защиты и часто голодают. Причина одна: они хотят иметь самую большую ценность в жизни - свободу, свободу совести, свободу слова, права на собственность, на личную безопасность.

Некоторые из них - пожилые, и были бы счастливы умереть в своей стране, но родина им неприемлема, пока ею управляет правительство, основанное на насилии и терроре и порабощении человеческой личности. Когда русских людей силой репатриировали на родину - они плакали, приходили в отчаяние и молили о пощаде. Многие кончали самоубийством, предпочитая смерть на чужой стороне пыткам и страданию, которое ожидало их на родине". Приводим еще одно показание свидетеля драмы в Дахау и Платлинге:

"В начале февраля в Платлинг прибыла американская комиссия для обследования состава пленных.

Необычайную наивность и непонимание сущности большевизма проявили граждане свободной страны, воспитанные в понятиях права.

14-го февраля разразилась гроза. В шесть часов утра лагерь проснулся от тысячного топота ног. Через несколько минут в бараки ворвались вооруженные дубинками солдаты. Сонных обитателей барачных выгнали во двор. Большинство не успело одеться и босиком, в одном нижнем белье, простояло на холоде несколько часов. Заспанные, замерзшие и нередко избитые, русские люди были лишены всякой возможности противодействия.

Когда людей втокнули в грузовики, они начали сопротивляться, но полицейские дубинки работали метко. Сколько их было, сколько из них покончили самоубийством - трудно сказать. Разделенные на маленькие группы и окруженные стеной американцев, вывозимые не могли видеть, что творилось в следующей группе. По дороге, ведущей на станцию, неслись крытые грузовики, в

сопровождении "джипов" с пулеметами. По прибытии на станцию людей выгоняли из машин и втаскивали в вагоны, разделенные решеткой из досок на три части. Ни один не шел добровольно, их выволакивали из машин под шум включенных моторов, под крики солдат и звуки модного фокстрота, раздававшегося из киномашин. По пути прохождения грузовиков, на расстоянии 100 - 300 метров, были расставлены бронированные машины, с направленными на дорогу дулами орудий. Лагерь был окружен танками, бронированными автомобилями. Газовая команда была наготове.

Погрузка продолжалась весь день. К концу дня раненых и трупы погибших погрузили в кареты скорой помощи, и к вечеру транспорт с обреченными страдальцами отошел от залитой кровью станции.

Лиши семь человек, перерезавших себе в вагоне вены и горло, очутились в одном из лазаретов для пленных. Через две недели оправившихся от ранений перевезли, однако, так же в Регенсбургский советский лагерь.

Из 3.250 обитателей лагеря было вывезено 1.570 человек, из которых, как выяснилось через две недели, 34 человека, по постановлению комиссии, не подлежали вывозу. В отправке участвовало около 3.000 американских солдат. План вывоза так был подготовлен, что работа шла без перебоев. Все было настолько предусмотрено, что не было никакой возможности сопротивления. Комендант лагеря в Платлинге, протестовавший против этого учиненного злодейства, по нашим сведениям, ушел в отставку":

Что можно было сделать? Русские организации, Толстовский Фонд обращались к американскому правительству, стараясь разъяснить трагедию новых беженцев, оказавшихся в свободных странах Европы во время Второй мировой войны.

Сами беженцы из Советской России обращались к свободным западным странам. В заявлении, озаглавленном "К совести мира", новые эмигранты писали:

"По Европе сейчас раскинуты сотни новых беженцев из Советской России, живущих большей частью на нелегальном положении. Почему Европа отказывает этим людям в освященном веками праве убежища для политических эмигрантов? Их пытаются рассматривать как каких-то сообщников немцев; но даже оставляя в стороне вопрос, можно ли за это винить людей, доведенных до последней грани чудовищным советским гнетом, неоспоримо, что большинство из них никогда не сотрудничали с немцами, а многие, наоборот, подвергались с их стороны преследованиям. Пусть им дадут возможность оправдаться от возводимых на них обвинений перед международной комиссией без участия советских представителей - и правда станет явной, так как ее нельзя будет далее скрывать, искусственно затыкая людям рты.

От имени этой массы мы и взываем к совести мира. Мы обращаемся к великим людям, деятелям литературы и искусства, политикам и ученым. Несчастливая Россия, истерзанная большевиками, лежит во прахе под пятой большевиков, у нее не может быть ныне ни Толстого, ни Герцена, никого из тех титанов мысли, которые когда-то чутко отзывались на всякую несправедливость, совершаемую в мире. Но неужели на Западе не найдется ни одного писателя из числа тех, которые призваны быть голосом совести своих народов? Неужели слова справедливости и гуманности стали пустым звуком?

Мы взываем ко всем политическим партиям, за исключением коммунистов. Наши надежды, естественно, обращаются к великим англосаксонским

демократическим державам, которые играют в современных событиях решающую роль и которые искони защищают интересы прогресса и справедливости.

Мы обращаемся ко всем вождям мировой христианской церкви: не умывайте, как Понтий Пилат, руки и помните о наших страданиях. Церковь ведь призвана возвышать свой голос против любого несправедливого гонения, жертвами которого мы являемся.

Не знаем, услышат ли нас. Тяжелая мгла окутывает для нас современный мир. Но когда мы с тоской отводим глаза от современности к прошлому Европы, мы видим там тени людей, которые, без сомнения, нас поняли бы и возвысили свой голос в нашу защиту. Преклоним голову перед их памятью: Мицкевич и Костюшко, Кошут, Мадзини и Гарибальди, О.Коннель и Парнелл, В. Гюго и другие, а по ту сторону океана, наверное, Джон Браун и Бичер Стоу нашли бы в своих горячих сердцах сочувствие и для белых негров. Святые борцы за свободу и демократию, мы гибнем за ваше дело, непонятые и отвергнутые вашими сынами.

Что же, если брошенный нами клич умрет в пустыне - мы сумеем взойти на Голгофу, но это будет значить, что вы открыто отреклись от всех лучших традиций прошлого.

Что же остается тогда впереди? На пути насилия труден только первый шаг. Берегитесь же, любящие свободу и справедливость: и вам, и семьям вашим придется испить до дна чашу страдания".

Трудно себе представить, что пережили эти русские воины, готовые отдать свою жизнь за СВОБОДУ своей РОДИНЫ, за свободу всего мира. Не говоря даже о физических страданиях, какие нравственные страдания должны были они испытать, когда рухнула перед ними вера в человека, в свободные западные народы! С великими трудностями совершили они свой тяжелый переход из Италии в Австрию, в зоны, занятые англичанами и американцами, уверенные, что вот наконец они достигнут Свободы, - беззащитные, безоружные воины, бежавшие от злодейской власти большевиков; потерявшие все, кроме веры в людей, в Бога, - веры, что им помогут! Не тут-то было! Страны, провозглашающие себя свободолюбивыми, уважающими человеческое право, поступили с людьми, как с последними преступниками, - их загнали в вонючие лагеря, обезоружили, били палками по лицам, головам, грабили, забирая последнее, что они имели, и, несмотря на их протесты, силой загоняли в вагоны, передавая в руки палачей-большевиков!

Не было границ издевательствам английских солдат. Один из них решил пожить за счет пленников, принес несколько пачек папирос и в обмен за папиросы набрал целый мешок часов. Измученные, изнервничавшиеся казаки отдавали свое последнее имущество - золотые, серебряные часы в обмен на табак. Никотин как-то притуплял страдания...

Многие советские граждане после войны выразили желание остаться за границей. Когда американские солдаты пришли разделить эмигрантов на две категории - старых эмигрантов и новых, подлежащих по постановлению Ялтинской конференции репатриации, - они нашли всех эмигрантов в церкви. Они горячо молились, прося Бога спасти их от репатриации. Одинокие, беззащитные люди считали, что единственная их защита - это церковь. Они не оказали никакого физического сопротивления. Стоя на коленях, в состоянии полного отчаяния, они пытались целовать руки и даже ноги офицерам, умоляя их

о пощаде. Но пьяные солдаты силой изгнали их из храма. Женщин и детей били, вытаскивали за волосы, не пощадили священников, безуспешно пытавшихся защитить свою паству. Одного старого, почтенного и всеми уважаемого священника вытащили за бороду. У другого из рассеченной губы текла кровь: его по лицу ударил солдат, вырывая крест из его рук. Солдаты ворвались в алтарь, разломали на две части иконостас, перевернули стол, сорвали и бросили на пол иконы. Несколько человек были ранены, двое пытались отравиться, какая-то женщина хотела спасти своего ребенка, выбросив его через окно. Человек, который его подхватил, получил пулю в живот. Эта ужасная, позорная трагедия, о которой ни один русский не может вспомнить без содрогания, разыгралась весной 1945 года. Так проводилась насильственная репатриация из Платлинга, Лиенца, Кемптена, казаков из Дахау, сражавшихся за свободу!

Вот так описываются эти страшные события в докладе М. Н. Леонтьевой на собрании, посвященном памяти жертв Лиенца, в русском лагере Келлерберг, 31-го мая 1949 г., в 4-ую годовщину трагических дней 28 мая - 1 июня, 1945 года.

"В течение 2-3 недель все казаки подтянулись к Лиенцу. Полки стали биваками в лесах и на полянах; семьи казаков разместились в пригородном лагере "Пегец". Штаб казачьего стана расположился в городе. Офицерам и казакам было выдано новое обмундирование, взамен немецких мундиров, в которые были одеты многие казаки-добровольцы... Казаки-жандармы получили оружие. Все это успокаивало казаков, и всякие опасения рассеивались.

Но вот, ранним утром 27-го мая, хозяйственной части Казачьего штаба майором Девисом было приказано отобрать у офицеров револьверы и шашки, а у жандармов - винтовки. В 11 часов утра 28 мая было получено распоряжение: всем офицерам собраться в канцелярии Казачьего штаба к 13 часам, где им будет объявлено какое-то распоряжение британских властей.

К 13 часам к зданию штаба были поданы грузовики и большой автобус. Прибыл майор Девис и, через переводчика, попросил офицеров занять места в машинах.

Генерал Соломахин, начальник Казачьего штаба, скомандовал: "По машинам!" Появившиеся вначале несколько английских солдат с автоматами куда-то исчезли. Офицеры спокойно погрузились. Прибыл больной, дряхлый старик - генерал П. Н. Краснов.

По знаку майора Девиса колонна помчалась по улицам Лиенца на восток, по направлению к Обер-Драубургу. Семьи провожали своих родных - мужей, отцов, братьев.

Майор Девис, оставшийся в толпе женщин, был ласково любезен и на тревожные вопросы, куда и зачем увезли родных, уверял, что они поехали в ближайшее село и что к 4-5 часам вечера все вернутся, а потому не о чем беспокоиться, а следует возвращаться домой и ждать своих к вечернему чаю.

В томительном ожидании заканчивался день. Казаки, хотя и безоружные, по-прежнему охраняли штаб.

Но вот поползли тревожные слухи и предположения. Спускались сумерки. Многие женщины бросились к Девису узнать правду. Он, как и всегда, был любезен и ласков и, глядя в упор в глаза каждой казачке своими слегка насмешливыми глазами, старался их успокоить.

Утром 29-го мая майор Девис объявил, что офицеры в Лиенц не вернутся, но что они находятся в очень хорошем месте, а где именно - военная тайна. Как раз в

это время офицеров вывозили из лагеря Шпиталь, где они ночевали, и в тот же день передали большевикам. Посылать им из провизии ничего не надо, так как они сыты, но если кто хочет послать вещи, он отошлет их с английской машиной.

К вечеру поползли слухи о передаче всех офицеров Советам. Майор Девис категорически это отрицал, оставаясь по-прежнему ласковым. Но когда скрыть истину было уже невозможно, он, со слезами на глазах, стал уверять, что сам был обманут своим начальством, что ему очень тяжело быть в роли лжеца перед оставшимися казаками и казачками, которых он уже успел полюбить, но вступать в пререкания он не посмел, так как... его тогда послали бы на японский фронт.

Прошла мучительная бессонная ночь. Души содрогались от ужаса предательства.

Утром 30-го мая Девис объявил казакам и оставшимся семьям, что 1-го июня все казаки и вообще все русские, находящиеся в долине Лиенца, будут отправлены в Советский Союз.

Он стал вдруг сух и совсем нелюбезен. В его глазах сверкали огоньки злого торжества и жестокости.

Люди заметались. Казаки, лишённые своего командного состава, не находили выхода из создавшегося положения. Они знали одно: возвращение "домой" равносильно смерти физической или духовной.

Безоружные казаки были бессильны бороться против жестоких представителей "свободных стран", не сознававших, не понимавших в своем самоуверенном самодовольстве, кто их враги и кто их - друзья.

Казаки объявили голодовку. Над палатками реяли черные флаги. Матери не кормили даже детей."

Дальше М. Н. Леонтьева продолжает:

"Поздним вечером в лагерь прибыл майор Девис, в сопровождении переводчика, и объявил собравшейся толпе, что завтра, 1-го июня, в 8 часов утра будут поданы машины и все должны грузиться; их доставят на железнодорожную станцию, а оттуда поездами направят в СССР.

На заявление атамана, что добровольно никто из казаков не пойдёт, майор Девис посоветовал не сопротивляться, иначе британское командование применит силу.

Под крики, проклятья и истерический плач женщин и детей майор Девис укатил в город.

Организованное тут же общее собрание казаков вынесло решение: твердо оказывать пассивное сопротивление, всячески избегать инцидентов, могущих принять характер бунта..."

Вот что пишет Леонтьева, которая была свидетельницей всего этого:

"Всю ночь люди провели на плацу лагеря перед походной церковью, где беспрерывно шла служба Божия. Многие исповедовались как перед смертью.

В 5 часов утра 1-го июня духовенство с крестным ходом вышло на лагерный плац. Началась литургия и молебствие. Со стороны Обер-Драубурга подходили с крестным ходом строевые казаки. Прибыли и юнкера Казачьего военного училища. Казаки и юнкера заключили в тесный круг стариков, женщин, детей и инвалидов. Шла торжественная служба Господу Богу. Пели несколько казачьих хоров. Во время молебна многотысячная толпа, подняв руки кверху, молилась за Святую Русь, за свои родные края, готовясь исполнить долг верности и, если нужно, принять смерть. Слова молитвы - "Пресвятая Богородица, спаси нас!" - возносились к небу.

В 8 часов утра в лагерь стали вкатываться, с жутким хрипом, английские грузовики, покрытые желтыми брезентами. Толпа заколебалась, как нива под внезапным дуновением ветра. Служба Божия продолжалась. Хоры пели...

Но вот в толпе пронеслось: "Молитесь Богу! Не бойтесь! Спасет Мать Божия! Силою не возьмут!.." И еще с большим энтузиазмом понеслось к небу: "Пресвятая Богородица, спаси нас!.."

Еще крепче сжалось кольцо казаков вокруг своих родных, стариков, инвалидов.

Из грузовиков, остановившихся вдоль всей площади, стали выходить английские солдаты, вооруженные автоматами и палками с тяжелыми свинцовыми набалдашниками. Они стали обходить толпу, беря ее в кольцо. Духовенство продолжало литургию. И вот, в тот момент, когда началось причастие, солдаты, с грубой руганью на английском и русском языках, бросились на толпу. Ударами палок и винтовок они старались разорвать цепь казаков, крепко державших друг друга за руки. Раздался треск пулеметов, полилась кровь. Падали мертвые и раненые. "Долина смерти" - так названо это место со времен Суворова - огласилась страшными воплями женщин и детей, сливавшимися с песнопениями молитв.

Солдаты хватали крайних и бросали в грузовики. Казаков, падавших на землю, били палками, прикладами, стреляли в них. И мертвых, и раненых, и живых бросали в машины, как дрова. Когда грузовики наполнялись, они под конвоем мчались к железнодорожной станции, где людей тем же способом перебрасывали в товарные вагоны, которые немедленно пломбировались.

Когда толпа под натиском солдат стала отступать, она свалила забор лагеря и вышла на поляну за ним. Но здесь она была окружена танками. Звонкий голос урядника-атамана скомандовал:

- Тесно в круг! Долой головные уборы! На колени! Пой молитву Богородице!

Прижавшись друг к другу, все опустились на колени, и снова, с еще большей силой, понеслась молитва из тысячи уст.

Число убитых казаков казачьей дивизии фон-Паннвица в Юденбурге установить нельзя... сотни, тысячи... Их свозили в лагерь бывших военнопленных около Клагенфурта, регистрировали и под охраной англичан вывозили в Юденбург. По одну сторону реки Мур, притока Дравы, стояли англичане, по другую - большевики. Громадный сталелитейный завод на большевицкой стороне был демонтирован и не работал. Сюда, в здание завода, в большое пустое помещение загоняли казаков. Когда их везли через мост на другую сторону реки, они увидели развевающийся советский флаг. Несколько человек выбросились из машин и разбились насмерть.

На заводе опять регистрация. День и ночь. Советы расстреливали казаков под нескончаемый шум автомоторов, которыми старались заглушить выстрелы. Неожиданно для всех еще оставшихся в живых стоявший бездейственно и безмолвно завод - заработал. Из труб повалил дым. А через некоторое время советчики стали сжигать трупы казаков. Запахло жареным мясом... Завод работал пять с половиной суток.

Трудно поверить, что люди могли дойти до такого зверства. Но... это была правда. После ухода большевиков, по свидетельству очевидцев, тела расстрелянных казаков обнаружены не были.

Чего только не делали казаки-беженцы, чтобы укрыться от массовых облав. Бывшие советские подданные знали, что согласно параграфу 58-му (статья 1,

пункты А, Б и В) советского закона, проведенного 20 июня 1934 года и позже кодифицированного, их могли считать "врагами народа" и приговорить в качестве таковых к смерти или бессрочному заключению в исправительно-трудовых лагерях. Они так же знали, что не только лично находились бы под угрозой такого наказания, но что и их родственники, живущие в пределах Советского Союза, подверглись бы наказанию.

Остатки спасшихся казаков разбрелись по Австрии и Германии, осев в оккупированных лагерях Англии, США и Франции, и работали, затаив горе, по восстановлению чуждой им Европы. С болью в сердце они приняли весть о приведении в исполнение приговора советской власти о казни их старого атамана генерала П. Н. Краснова и боевых командиров.

История Косенкиной

Это было в 1948 году. Мне позвонил из Нового Русского Слова писатель В. Зензинов: "Я должен Вас срочно видеть". И на другой день он приехал на ферму к обеду с довольно милостивой женщиной средних лет.

Это была Оксана Косенкина, история которой впоследствии была опубликована на первых страницах всех американских и заокеанских газет.

Косенкина не сразу решилась на уход от Советов. Она рассказывала, что ее мучили сомнения и страх. В полном расстройстве мыслей и чувств она бродила по Нью-Йорку. В Сентрал-парке она встретила с человеком, говорящим по-русски. Этот незнакомый человек внушил ей доверие, и она рассказала ему о себе и просила помочь ей. Но он категорически отказался и посоветовал ей вернуться в Россию.

Несколько дней спустя она разговорилась с американцем итальянского происхождения, которого звали Кастелло. "Вы производите впечатление человека, охваченного отчаянием, - сказал Кастелло, - что с вами?"

Она снова рассказала свою историю и просила его о помощи.

Кастелло посоветовал ей обратиться к редактору Нового Русского Слова М. Е. Вейнбауму. В редакции все говорят по-русски. Она так и сделала.

Там она встретила Вл. Зензинова и рассказала свою историю. Она учительница, обучает детей советских дипломатов, но ее стало тяготить отсутствие свободы и постоянная за ней слежка. "Иду в магазин - за мной следят, разговариваю со знакомыми - меня подслушивают. Ни минуты свободы, из меня вымучили все личное, я перестала быть человеком. Спасите меня!" К тому же, в консульстве сообщили Косенкиной, что ее отправят 31-го июля на пароходе "Победа" в Одессу. Она решила не возвращаться. Зензинов привез Косенкину на ферму Толстовского Фонда, где она осталась. Зензинов уехал.

На другой день к ферме подъехало такси, из которого вышел высокий благообразный блондин. По страшной нервности этого человека, по тому, что он приехал прямо из Нью-Йорка на такси, истратив много денег, я поняла: что-то с ним случилось - и провела его в отдельную комнату, где он рассказал мне свою историю. Михаил Иванович Самарин, как и Косенкина, был учителем в школе советского консульства. Свой побег он задумал уже давно. Наняв грузовик, он ночью погрузил в него жену и трех детей и отправил их в заранее подготовленное временное пристанище, а сам приехал ко мне за помощью.

Узнав, что Косенкина на ферме, он пришел в ужас и умолял меня скрыть от нее,

что он был и говорил со мной.

Эти два учителя, работавшие в одном учреждении думали одинаково, но боялись друг друга. Самарина, как и Косенкину, собирались отправить на "Победе" в Советский Союз.

- Через баптиста в Нью-Джерси, который бывал у нас, удалось устроить Самарина и его семью на ферме у одной доброй русской женщины.

Жена Самарина была внешне спокойна, но сам он волновался, нервничал и смертельно боялся преследования большевиков. Отлично зная все способы террора, преследований, которым большевики подвергали своих противников, я остро переживала происходившие события и всеми силами старалась помочь этим людям. Их нервность передавалась и мне.

Целый день Косенкина металась из угла в угол, не находя покоя. Как-то вечером, после ужина, она позвала меня к себе в комнату. "Вот, прочтите, - сказала она, - я написала послу..." В этом письме она заявляла, что ушла от коммунистов, потому что не может больше жить в рабстве, и что никогда не вернется в Советскую Россию. Прочитав письмо, я посоветовала его не посылать. Оно и не было отправлено. На другой день она выбежала рано утром и передала молочнику, привозившему молоко на ферму, письмо другого содержания, о котором я узнала только позднее. В нем она просила советского посла приехать и забрать ее с фермы.

А на ферме было все спокойно. Шла повседневная работа в огороде, в курятнике, на кухне. Готовили обед. Косенкина, которой дали легкую работу на кухне, так как она уверяла, что ей скучно без дела, стояла у двери, посматривала на дорогу и ела арбуз.

И вдруг, совершенно неожиданно две новые блестящие машины остановились у подъезда. Третья осталась у дороги за воротами. Отбросив недоеденный кусок арбуза, Косенкина выскочила встречать гостей. Это был советский консул Ломакин, вице-консул Чепурник и еще несколько человек из их свиты.

М.А. Кнутсон спешно вызвала полицию. Косенкина что-то быстро, быстро говорила послу. Я подошла к ним.

- Я еду с ними, я еду, еду...

- Опомнитесь, что вы делаете? Мы не отдадим вас, сейчас приедет полиция...

- Оставьте меня...

Она оттолкнула меня и побежала в свою комнату, а мы за ней - посол и я.

- Оксана Степановна, вы понимаете, что вас ждет? - спросила я. А если вас там расстреляют? Косенкина повторила:

- Скорей! Скорей! Бросьте вещи!

- Вы не имеете права меня задерживать! - кричала Косенкина не своим голосом, - уйдите, я еду с ними по собственной воле!..

Косенкина схватила чемодан и портфель и сунула их в руки Ломакину. Оба бросились бежать к машине.

Я вышла во двор. С быстротой молнии распространилась весть, что большевики увозят Косенкину. Крошечная девочка из детского дома пулей неслась по дороге. "Мофтобиль плиехал... дяди нехолосые..." - плакала она. Один из юношей, тоже ушедший от большевиков, замахнулся, держа в руках тяжелый камень. Он убил бы посла, если бы я не схватила его за руку. Двое других успели оторвать дверцу посольского автомобиля.

"Международный инцидент, конфликт" - мелькнуло у меня в голове. "Оставьте,

оставьте," кричу, - не трогайте их!"

И вдруг вижу: несется из кухни молодой - бывший советский - профессор с громадным кухонным ножом в руке...

- Ради Бога, - кричу ему, - что вы делаете! Вы загубите Толстовский Фонд, меня... конфликт международный! Не помню, что еще кричала: я задыхалась, молотком билось сердце, подкашивались ноги...

Косенкину усадили в первый посольский автомобиль, и три машины, одна за другой, покатали по дороге мимо детского дома. Я бросилась к телефону и сообщила полиции о происшедшем. Но что же могла сделать полиция?

По всей вероятности, Советы придавали громадное значение поступку Косенкиной. Советский посол Панюшкин, генерал-майор НКВД, прикатил из Вашингтона и лично допрашивал Косенкину. При допросе Косенкина назвала всех, кто ей помогал. В советской печати рассказывали, что изменники и бандиты с фермы Толстовского Фонда одурманили и украли Косенкину.

Через несколько дней после того, как Косенкину увезли, она решила снова бежать и выбросилась из окна посольства, где ее держали под замком, не выпуская из комнаты. Стоявший на посту против советского посольства полицейский понял, в чем дело, и не препятствовал ее побегу. Когда она, пытаясь спуститься с третьего этажа по водосточной трубе, упала и разбилась, полиция сразу забрала ее и поместила в Рувельтовский госпиталь, где ей отвели отдельную комнату и где полицейские день и ночь ее охраняли.

Кажется, я редко так уставала, как в эти тревожные дни.

Все газеты подхватили сенсацию. Портреты Косенкиной печатались на первых страницах. Меня останавливали на улице. Когда я ходила в госпиталь навещать Косенкову, мне приходилось крадучись входить через задний ход, иначе целая армия фотографов окружала со всех сторон. Один раз я бежала через улицу и чуть не угодила под автомобиль. Меня интервьюировали представители власти - днем, а иногда и ночью. Вызывали в суд как свидетельницу.

Как-то раз мне удалось рано уйти к себе и заснуть. И вдруг, настойчивый стук в дверь. Я посмотрела на часы - 3 часа утра.

- Кто это?

- Я, Зензинов.

- Что вам нужно?

- Пожалуйста, откройте.

"Господи Иисусе Христе, - шептала жившая со мной верная наша служащая Паша. - Покоя не дают! Что им в эту пору, среди ночи надо? Двое их..."

- Кто с вами? - спрашиваю Зензинова.

- Друг.

- Какой друг? Почему я знаю, кто он? Назовите его...

- Не могу, но я гарантирую вам, что он друг... Я надела халат, отворила дверь:

- Что вам надо? Вы знаете, который час? Это просто...

- Это вопрос спасения Самарина. Одевайтесь, вы должны нам показать, где сейчас живет Самарин. Он должен немедленно ехать в Вашингтон!

- Да я не знаю, я была там только один раз. Я могу не найти...

Вопрос спасения. Самарина...

Я представляла себе его жену, двух близнецов, милую, такую грустную старшую девочку. Надо ехать!

Но вот снова стук в дверь. Входит целая процессия: заведующая хозяйством, рабочий и, в авангарде, освещая путь электрическим фонариком, наша заведующая яичной, старенькая "баба Женя". - Кто они? - и она указала пальцем на Зензинова. - Большевики? Это ваша машина стоит во дворе? Похитить хотите Александру Львовну? Мы ее с трудом успокоили. Но она не ушла спать, пока лимузин не уехал со двора.

И вот мы мчимся в темноте на великолепном лимузине с важным шофером в Нью Джерси. Большой, грузный, мрачный человек рядом со мной спит, развалившись в машине.

Доехали молча. Слава Богу, я нашла правильный поворот и дом милого баптиста, принявшего такое участие и в Косенкиной. Мы разбудили его. Он сел к нам в автомобиль и указал ферму Х. Е. Шибанова, где жила семья Самарина. Жена, дети, хозяйка фермы - все испугались, переполошились. "Куда везете Самарина? Почему в Вашингтон?"

Нас напоили чаем - и вот мы опять в лимузине. Самарин с нами. Рассвело. Меня довезли до Нью-Йорка, высадили около собвоя: добирайся, мол, как хочешь. Мои спутники направились в Вашингтон. Я купила газету, развернула ее в собвее - и ахнула. На первой странице был портрет того "друга", который приехал ко мне с Зензиновым и повез Самарина в Вашингтон. Это был невозвращенец Виктор Кравченко, история которого в свое время наделала много шума.

Самарин позже устроился в военной школе в Монтерее преподавателем русского языка. Но, очевидно, нервы его не выдержали всего пережитого - он сошел с ума. Меня вызвали в Монтерей, в Калифорнию. Самарин на меня произвел тяжелое впечатление. В присутствии жены он молчал. Но стоило ей выйти из комнаты: "Видите этот забор, колья? Вот там были детские головы, застывшие глаза, большие наивные глаза. Их убили, невинных, чистых, головы детские... на кольях..."

Мне пришлось ехать с ним в Нью Йорк...

Его перевели в штатный госпиталь Нью Йорка; жена устроилась преподавательницей русского языка в колледже. Это достойная женщина содержала семью и дала образование своим детям.

А Косенкина? После падения она поправилась, но прожила недолго - у той же милой фермерши, которая приютила семью Самариных. Я слышала, что у нее был паралич и она скоро умерла.

Трудные годы

Правительства США и Великобритании не понимали или не хотели понять, почему русские отказывались вернуться на родину. Не понимали, как в "мудром" Ялтинском постановлении они далеко ушли от истинного христианства, от основных принципов своей конституции: свободы, любви к ближнему, уважения к человеку!

Понимали только молодые американские офицеры и солдаты. Они видели страдания русских беженцев, их стремление к свободе, к честной, трудовой жизни и, несмотря на жестокие, бессмысленные приказы людей, стоявших у власти, - они помогали им. Они не могли гнать людей на мученичество, на смерть - и пытались спасти их. Думаю, что в сердцах многих русских эмигрантов теплится глубокая благодарность к этим простым, добрым, неизвестным людям, понявшим

страшную трагедию русского человека.

"Да, мы этого никогда не забудем, - рассказывал один из русских беженцев. - Я спасся чудом - благодаря сердечности американского офицера. Дело было так. Был получен приказ от Западного командования: целую группу русских людей свезти на границу и выдать красным. Во главе охраны нашего транспорта грузовиков был молодой офицер. Можно представить себе наш страх и отчаяние, которое все увеличивалось с приближением к советской границе.

Но вдруг, около леса, офицер приказал грузовикам остановиться. Встав перед транспортом, он громко скомандовал: "Бегите". Мы сперва ничего не поняли. Куда бежать, почему, что случилось? "Бегите", - снова скомандовал американец. Но мы заколебались. Мы не сразу поняли. Свобода? Не может быть. Неужели этот добросердечный человек решил нарушить приказ начальства? И, точно поняв нашу мысль и наши сомнения, офицер ласково улыбнулся и снова повторил: "Не теряйте золотого времени, спасайтесь, бегите". У многих наших офицеров были слезы на глазах. И мы были спасены".

То, что не могли или не хотели понять великие мира сего, прославленные государственные деятели, понял этот незаметный, скромный и никому не известный офицер.

Руководители Толстовского Фонда хорошо знали, что место их в Европе, что американские "Сошиал воркерс", как бы хороши они ни были, не могли понять русских и их положение и найти способы помочь этим беженцам, потерявшим веру в людей, веру в государства, где они, вместо свободы, которую искали, нашли полное непонимание и нечеловеческую жестокость.

Но американские власти не пропускали работников Толстовского Фонда в Европу. Татьяна Алексеевна Шауфус и я приходили в полное отчаяние.

Наконец, после долгих усилий, мы добились свидания с кардиналом Спелманом в Нью-Йорке, сделали ему подробный доклад об ужасах насильственной репатриации, о массовых самоубийствах, рассказали, что люда предпочитали смерть возвращению на родину.

Кардинал понял... Говорили, что он сейчас же после нашего разговора позвонил папе римскому и вскоре - случайно или нет - в "Таймзе" появилась сильная статья папы о насильственной репатриации. Насильственная репатриация была отменена, но поздно... Погибли миллионы!

Великие мира сего, гордо провозглашавшие принципы свободы, защиты человеческих прав, - Черчилль и Рузвельт, - объединившись в Ялте с величайшим злодеем-опричником Сталиным, отдали на истязание и мучительную смерть два миллиона людей, искавших свободы!

Русские люди этого не забудут!

А советские агенты делали свое грязное дело, выискивая людей, стремившихся к свободе, предлагая, как за преступников, плату за каждую голову.

Бельгия

Массовая эмиграция в Бельгию на работы в шахтах началась в 1947 году. До этого так называемые Ди-Пи из Германии старались пробраться в Бельгию, желая как можно дальше отойти от советской зоны и от опасности быть репатрированными на родину.

В 1945 году они пользовались добродушием шоферов американских военных

транспортов, циркулировавших между Германией и Бельгией, надеясь таким образом из Бельгии попасть в страну, которую они считали благословенной, - Америку.

Бельгийцы принимали беженцев на работы в рудниках со специальным рабочим контрактом на два года и с обещанием, что по истечении этого срока они получат работу по специальности, в какой-либо другой области. Правда, к этому контракту было прибавлено "по возможности", так как можно было предвидеть, что после заключения мира из армии вернутся бельгийцы, которым надо будет предоставить работу в первую очередь.

В Бельгию завезено было около 12 тысяч русских беженцев. Некоторые из них еще называли себя поляками, украинцами и др. - из-за страха насильственной репатриации.

Позднее, при содействии Толстовского Фонда, около 7 тысяч эмигрировали в Канаду и Соединенные Штаты.

С оплатой за транспорт беженцев произошло очень неприятное недоразумение. Беженцы в Бельгии подписывали долговые обязательства Толстовскому Фонду, и на этом основании им покупали билеты на пароходы, а позднее - на самолеты. Задолженность бельгийских беженцев составляла целый капитал. Но позднее ИРО согласилось оплачивать их транспорт - и это создало громадные трудности для Толстовского Фонда. Как объяснить Иванову, что он должен заплатить Толстовскому Фонду деньги за переезд, в то время как Петров приехал бесплатно?

Как всегда, было много печальных и забавных историй. Так, например, один казак умолял нас не сажать на аэроплан и соглашался ехать только на пароходе.

- Почему вы упрямитесь? - уговаривала его наша сотрудница. - Если вы полетите вместе с женой и детьми, то через несколько часов будете уже в Америке, а пароходом плыть очень долго, да и укачает вас.

Но эти увещевания на него не действовали.

- Барышня, гражданочка, - умолял он нашу сотрудницу, - ради Бога, не убивайте нас. И - бух ей в ноги.

- Слава Богу, до Бельгии добрался, не дайте нам дальше погибнуть!

- Какая же гибель? - спрашивает сотрудница, не в силах поднять его с пола.

- А вот какая гибель: на пароходе я увижу, если корабль в другую сторону повернет и направится к Ленинграду. А на самолете что заметишь? Утянет тебя эта чертова машина - и опять попадешь в прежний ад кромешный. Сделайте милость, гражданочка, уж отправьте нас пароходом, все будет покойней. Так и отправили его морем.

Отношение к русским в Бельгии было прекрасное - и как к союзникам во время войны, и как к хорошим, нетребовательным, неизбалованным и добросовестным работникам.

Бельгийцы сумели высказать свою благодарность бывшим шахтерам. Всем им дали бельгийское подданство, и до сих пор они получают всякие льготы.

Рудокопам было обещано, что через два года им дадут другую работу - над землей. Но... на самом деле они проработали под землей четыре с половиной года!

Европейская работа

В 1944-45 гг. Толстовский Фонд сделал попытку объединения с другими русскими организациями помощи. Хотели объединить правых монархистов, левых социалистов, беспартийных, проводили собрания, часами разговаривали, но окончилось это плачевно. Я заболела тромбофлебитом. Превозмогая боль в ноге, ездила на все собрания, пока болезнь не разыгралась всерьез и врач не уложил меня в постель. А затем, в 1946 году, на много месяцев попала в больницу Татьяна Алексеевна - с язвой желудка, воспалением легких и перитонитом. Она перенесла три тяжкие операции и пробыла в Рузвельтовском госпитале четыре с половиной месяца.

Мы убедились, что объединить русские организации невозможно. В сентябре 1947 г., когда Татьяна Алексеевна совсем поправилась, она, наконец, добилась от Епископального комитета разрешения поехать на три месяца в Европу - в качестве "гостьи", но без всяких прав и полномочий.

После разговора с главой Епископального комитета и с самоуверенной дамой - типичной американской "сошиал воркер" - мы испытывали тяжелое гнетущее чувство. Мы чувствовали себя бесправными просителями. Мы хотели помогать... кому? Русские не пользовались ни уважением, ни пониманием, и с точки зрения Епископального комитета и выдрессированной "сошиал воркер", мы должны были испытывать глубокую благодарность, что нам оказана величайшая милость - разрешено наблюдать, как помогают нашим соотечественникам.

Но наблюдать три месяца в качестве гостьи человеческие страдания своих, русских, потерявших все: родину, имущество, часто семью, бездомных, не ведающих сегодня, что готовит им завтрашний день, ютящихся в переполненных бараках, - и при этом не иметь никаких прав и возможности оказать настоящую помощь - такое положение не могло удовлетворить Татьяну Алексеевну.

Только в конце 1947 года, получив благословение и мандат от митрополита Феофила, главы Американской Православной Церкви, Татьяна Алексеевна выехала в Мюнхен в сопровождении о. Лютова. Миссия была сроком на три месяца, и ехала она в качестве гостьи протестантской организации Черч Ворлд Сервис.

Первое время положение было отчаянное. Кругом столько горя, нужды, а помочь нечем! Не было ни денег, ни продовольствия. Когда она начала работать, в ее распоряжении были только два пакета КЭР и не было возможности нанять сотрудников.

Вот что писала Татьяна Алексеевна в своем отчете о первых шагах ее работы в Европе: "Я поехала за океан осенью 1947 г. на три месяца... Я чувствовала себя чем-то вроде слепого котенка, преисполненного только горячим желанием всю себя отдать делу, но... не знающего, как и куда сунуться. В те дни слова "Россия" и "Восточное православие" не могли быть произнесены вслух - о них говорили шепотом, таясь по углам...

От сентября 1947 г. и до июня 1949 г. наш русский Комитет состоял из о. Лютова, Л. Сердаковского, беженца из Югославии, и меня. Три стола и три стула. Я не имела даже права вывесить на нашей двери название нашей организации - Толстовского Фонда. У нас не было "лица", не было его и у тех, кого мы должны были обслуживать.

А между тем, отделение Лютеран в Черч Ворлд Сервис дало следующие цифры:

85% православных беженцев, 15% протестантов".

Татьяна Алексеевна попала под начало грубого, но, по существу, доброго американца, весьма мало знакомого с делами и положением русских беженцев.

Но постепенно своей исключительной энергией, терпением и выдержкой, Татьяна Алексеевна завоевала определенное место для общественной работы по оказанию помощи в Европе Толстовским Фондом, который с годами получил репутацию международной организации. Но с каким трудом, с какими унижениями она добивалась простой справедливости, признания простых фактов!

Одной из первых, ценнейших сотрудниц Толстовского Фонда, проработавшей у нас 16 лет, была Маргарита Бланкен - правая рука Татьяны Алексеевны по организации заграничной работы.

Небольшого роста, крепкая, энергичная, с решительным взглядом серых глаз, она совмещала в себе эстонскую аккуратность, четкость в работе и преданность русскому делу. Вместе с Татьяной Алексеевной она не считала часов, работая за счет отдыха и нормального восьмичасового сна...

Из 20.000 беженцев около 6.500 прошло через ферму, где они жили до тех пор, пока их не устраивали на работу. Вероятно, Толстовскому Фонду не удалось бы проделать эту громадную работу без помощи Фордовского Фонда, пожертвовавшего 55 долларов на устройство в США каждого беженца, - всего 205.000 долларов.

Ди Пи едут в Америку

В конце 1947 г. Т. А. Шауфус не знала отдыха. С утра до поздней ночи она со своими сотрудниками регистрировала и опрашивала беженцев, желавших ехать в США.

- Имя, фамилия, возраст? Откуда?

- Я старый эмигрант, мой отец - бывший белый офицер. Татьяна Алексеевна внимательно на него смотрит:

- Вы хотите ехать в Америку?

- Да, конечно...

- Тогда говорите правду. Я хочу помочь Вам, но я не смогу этого сделать, если Вы будете мне лгать.

Юноша смущен. У него фальшивый паспорт... Но в конце концов, иногда со слезами на глазах, они рассказывали Татьяне Алексеевне свои печальные истории.

Был взят немцами на работу из Советской России... Там остались родители, невеста. Он уже отрекся от своей родины - он теперь то ли поляк, то ли литовец...

Беженцы думали, что их судьба зависит от работников, которые занимаются их делами. Все трудности, осложнения, связанные с их отъездом в США, разумеется, были им совершенно неизвестны. Добрая воля, личные симпатии, а может быть, и личные выгоды - только это, с их точки зрения, имело значение.

"Если бы я брала взятки - я была бы богатым человеком - смеясь, рассказывала Татьяна Алексеевна. - Помню, раз украинцы принесли мне свои работы - вышитые полотенца. Ручная работа, но какая! Красота! Ну, я посмеялась. "Вы, - говорю, - сепаратисты, воюете с нами, а теперь подарки приносите". И, конечно, никаких полотенец не взяла".

- А у меня так вся комната была бы завалена папиросами, если бы я брала

взятки, - рассказывала одна из сотрудниц Толстовского Фонда.

И внушить им, что ускорить получение виз сотрудники не могли, - было невозможно. Бывали и трогательные случаи.

Перед Татьяной Алексеевной, понуря голову, стоял громадного роста, широкоплечий 16-летний юноша - "косая сажень в плечах". Он уже который раз приходил к Татьяне Алексеевне с просьбой перевести его семью в США.

- Я ничего не могу сделать, Борис...

В то время Толстовский Фонд еще не работал в Европе и Татьяна Алексеевна сотрудничала с Черч Ворлд Сервис. Но увидев печальные наивно-детские глаза мальчика, в которых сквозило отчаяние, Татьяна Алексеевна пожалела его. Она пошла к начальнику Ч. В. С. просить за юношу.

- Борис, - сказала она, вернувшись в канцелярию, - Вы едете в Америку, я получила... Не успела она договорить, как могучие руки юноши подняли ее в воздух.

- Пустите, пустите! - просила Татьяна Алексеевна. - Надорветесь... Он поставил ее на пол и пулей вылетел из канцелярии.

- Папа! Мама! - кричал Борис во все горло. - Ура! Ура! Едем! Едем в Америку!

Толстовский Фонд регистрировал тысячи русских, то закрывая глаза на их "биографии", то выбирая удобный момент, чтобы послать эмигранта в ИРО или к консулу для дачи показаний о внесенных в биографию неправильностях.

"Я пишу Вам только потому, что больше мне некому писать, а невыносимое ощущение себя в холодной пустоте чужой страны, без возможности получить какую-либо работу, - неустанно толкает на поиски человеческого сочувствия. Но к кому же обратиться за человеческим чувством?" - писала беженка из лагеря Кульмбах.

А вот еще строки из письма: "...Бездельное существование в лагере сейчас уже убивает не только морально, но постепенно и физически".

Международной организации разрешалось по закону привозить из Германии, Австрии, Италии только тех беженцев, для которых удавалось найти работу и предоставить удостоверение об этом.

Большие организации: протестанты, католики, евреи - давали задания своим многочисленным, богатым приходам по всей Америке и легко находили работу для эмигрантов. Толстовскому Фонду было трудно. Прихожане православных церквей в Америке, в большинстве карпатороссы и галичане, эмигрировали в Америку около 60-ти лет тому назад. Молодежь ничего не знала о России, забыла русский язык. Вопрос беженства их мало интересовал, поэтому на помощь церквей Толстовский Фонд рассчитывать не мог. Пришлось беженцам самим искать работу на фабриках, заводах и фермах, куда, Толстовский Фонд направлял их прямо с парохода. Устраивать на работу тысячи беженцев оказалось делом нелегким.

Американцы стремились получить прислугу: кухарок, горничных, шоферов, садовников. Трудно было профессорам, ученым, врачам, техникам наниматься поварами, садовниками, шоферами, мыть машины и гаражи, а интеллигентным женщинам - убирать квартиры, стирать. И при этом американцы платили скудно, а иногда предлагали беженцам только содержание.

"Но мы даем им чудное помещение с собственной ванной..." - оправдывались такие работодатели.

Они не понимали, что после многих лет лишений, когда не на что было купить

приличную одежду на смену пожертвованным старым тряпкам, приобрести обувь, вставить или подлечить зубы, - люди испытывали настоящую нужду и их мало интересовали собственные ванны... Я вспомнила, как во время депрессии, когда я работала на своей маленькой куриной ферме, одна женщина, профессор крупного университета, желая избавить меня от тяжелого труда, предложила мне место: 15 долларов в месяц, комнату с ванной, питание и работу - убирать комнаты за 7-ю рабочими, стирать на них, стелить им кровати, а по воскресеньям продавать мороженое на большой дороге... Профессорша не понимала, что чистить куриный навоз было гораздо приятнее, чем убирать чужую грязь.

Годы прошли, прежде чем русские люди выбились и смогли отдать стране, их принявшей, свои знания в области медицины, философии, археологии, литературы и в других отраслях науки и профессиональной деятельности.

Беженцы учились языку, привыкали к особенностям американской жизни и специфике работы.

- Вы не поверите, какое со мной случилось чудо, - рассказывала женщина, приехавшая из Германии. - Судьба моя решалась... Пришла я наниматься портнихой в один очень шикарный магазин. Мне хозяйка показывает платье. Смотрю, рукава какие-то особенные, я таких никогда не видела. А хозяйка говорит: "Вот если сумеете платье с такими рукавами сшить, я вас возьму на работу". Верите ли - ночь не спала. Ума не приложу, все думаю, как мне рукава такие сшить. А наутро - это было воскресенье - пошла в церковь. Упала на колени, молюсь, чтобы мне Бог помог. Надо работать, семья, дети, а тут эти рукава проклятые!.. Встала с колен... Смотрю: передо мной дама, а платье на ней с этими самыми рукавами, которые мне шить надо было. Я их разглядела хорошенько - сделала платье!.. И мастерская наняла меня.

Главная ценность работы Толстовского Фонда была не только в материальной помощи, не только в содействии эмиграции в свободные страны, - основная, главная помощь заключалась в разъяснении политического положения русских, бежавших из Советской России, американским властям.

Вот один из примеров:

Заседание в "Американ Каунсил оф Форен Ворк". Один из ответственных работников Государственного Департамента делал доклад о Ди Пи. Среди доклада он повернулся ко мне:

-Я должен Вас порадовать, - сказал он и сообщил о какой-то льготе, которую провели для русских беженцев.

- Давно пора что-то сделать для русских, - ответила я, - после всего того жестокого обращения, которое они видели со стороны союзного командования и УНРА.

- Какое жестокое обращение?

- Насильственная репатриация.

- Какая насильственная репатриация? - воскликнул чиновник Государственного Департамента. - Этого никогда не было!

Но несколько представителей из других организаций меня поддержали: такое распоряжение от Военного Ведомства было.

А правительственный чиновник, занимавший ответственный пост в Госдепартаменте и работавший с Ди Пи в Германии, не знал об этом распоряжении!

Некоторое время спустя ко мне в контору приехал г-н Х. из Вашингтона и стал меня допрашивать, на каком основании я обвиняла чиновника, выступавшего на собрании организаций помощи, что он репатриировал Ди Пи в Советскую Россию.

Я рассказала г-ну Х., что именно произошло на этом заседании Американских общественных организаций помощи беженцам.

- И Вы не обвиняли чиновника в насильственной репатриации?

- Конечно, нет!

- А у Вас есть распоряжение военного ведомства УНРА о насильственной репатриации?

- Есть!

- Вы могли бы мне его дать?

- Нет. Это единственный экземпляр.

Но он стал меня просить, обещал сейчас же вернуть обратно, снять фотостат, написать расписку...

Через несколько дней я действительно получила бумагу обратно. Но трудно поверить, что в архивах Вашингтона этой бумаги не было...

Можно привести много примеров полного неведения американцев - даже в Сенате - в русском вопросе.

Весной 1949 г. человек 250 эмигрантов, прошедших через бесконечное число всяких комиссий, подкомиссий, медицинских осмотров - иногда более 16-ти, на что мог уйти год и даже два, - были посажены в поезд Мюнхен-Берлин, чтобы дальше отправиться пароходом в Нью-Йорк. Все эти люди оставили свою работу, квартиры, даже часть вещей, и с радостью, что они, наконец, едут в желанную свободную Америку, ожидали отправки, как вдруг совершенно неожиданно без объяснения причины, все 250 человек были сняты с поезда... Почему? На каком основании? Полетели телеграммы от Т. А. Шауфус в Нью-Йорк...

Выяснилось следующее: американские власти, узнав, что советские граждане были членами профсоюзов, МОПР, Осоавиахима и других подобных организаций, решили, что принадлежность к этим организациям доказывала принадлежность эмигрантов к коммунистической партии.

Я обращалась с заявлениями и протестами к сенаторам, конгрессменам. Опять участились поездки в Вашингтон. Стучала во многие двери, но ответа не получала... Слушают, но не слышат!

9 марта 1951 г. я выступила в сенатской комиссии по делам эмиграции в США. Очень волновалась, заранее подготовилась. Привожу часть своей речи:

"После окончания войны, все те, кто предпочел свободу, стали жить в надежде, что им будет дана возможность переехать в какую-либо свободную страну, где они смогут начать честное, трудовое существование. Вместо этого они вынуждены были жить в атмосфере лжи, скрывая свое прошлое, как загнанные звери. В 1947 году им был дан статус Ди Пи, и вот сейчас, в 1950 и 1951 годах, их отстраняют как опасный элемент. Пять с половиной лет нищеты, неизвестного будущего - и постоянный страх! Бесчисленные допросы, анкеты - и крушение всех надежд!

...Отстраняя, отбрасывая от себя бывших советских граждан, мы играем на руку советскому правительству".

Целую неделю директор Толстовского Фонда м-р Тейлор и я провели в Вашингтоне, в кулуарах Сената, стараясь доказать отдельным сенаторам, что в

Советском Союзе все без исключения граждане, имеющие работу, обязаны быть членами профсоюзов, МОПР, Осоавиахима и других организаций.

Наконец, с большим трудом я добилась свидания с сенатором МакКарреном - автором закона. Я остановила его в коридоре.

- Я не могу с Вами говорить, спешу в Сенат...

- Ненадолго, сенатор, мне очень нужно Вам сказать...

- Хорошо, три минуты - не больше.

- Сенатор, - сказала я. - Вы обязаны выслать меня из Соединенных Штатов.

Сенатор с недоумением глянул на меня.

- Почему?

- Я была членом профсоюза в России.

- Ну и что же... Вы... Вы... Кто? Вы родственница писателя?

- Я дочь Льва Толстого.

- Почему же Вы должны быть высланы? Я не понимаю...

- По Вашему закону - бывшие члены профсоюзов и других советских организаций не могут иммигрировать в Америку. А я была членом профсоюза.

- Я не подписывал такого законопроекта.

Но я показала ему заключенную в скобки фразу, из которой было ясно, что члены профсоюзов, МОПР и других советских организаций рассматриваются как коммунисты.

- Это неправильное толкование моего закона.

- Но что же теперь делать, сенатор?

- Я внесу поправку в Сенате - это какое-то недоразумение.

И вот директор Толстовского Фонда м-р Тейлор и я сидим на балконе в Сенате, когда сенатор Мак Каррен вносит поправку: выпустить слова о запрещении членам профсоюзов въезда в США... Несколько зачеркнутых слов - и десятки тысяч людей получили возможность въехать в свободную страну - Америку.

Страшное напряжение, беготня по коридорам, ловля сенаторов, а в мыслях - тысячи людей, которых надо спасти. Нервы не выдержали: я разрыдалась.

- Идем, идем... Здесь нельзя плакать... - и наш милейший директор Тейлор отвел меня в гостиницу, откуда мы немедленно послали телеграмму Татьяне Алексеевне в Мюнхен.

Березовская болезнь

В своей докладной записке в Вашингтон от 25-го сентября 1950 года Татьяна Алексеевна Шауфус писала:

"Союзники признавали за балтийскими народами, за поляками, украинцами право распоряжаться своей судьбой и выбирать репатриацию или эмиграцию. Русские же передавались советским репатриационным офицерам".

Можно ли упрекать их в том, что они, желая считаться латышами, прибавляли "с" в конце своего имени (Давыдов - Давыдове), меняли фамилии и места рождения!

Вот, например, письмо из Германии:

"Я есть кубанский казак Шестаков Иван Андреевич, такой то станицы. Но вот от 1945 года, когда нас с палачами отправляли насильно в Лиенце на родину, я стал Никитиным Ильёй Ивановичем. Живу плохо, потому что здоровье забрали

чекисты и 10 лет Беломорканала...".

По прибытии же в США тысячи, если не десятки тысяч, русских оказались в затруднительном положении: освободившись от страха репатриации и отойдя душевно от всего, что было пережито под гнетом коммунизма, они всей душой хотели, наконец, ничего не скрывать, как приходилось скрывать многие годы в СССР и первые годы в эмиграции. Но... если раньше все жили под угрозой репатриации, то теперь над теми, кто приехал в США и дал о себе неправильные сведения при отъезде, висел дамоклов меч депортации. Причем депортации подлежали именно те лица, которые, прибыв в США, чистосердечно признались в своем "преступлении", заключавшемся в подделке документов, в результате чего получалось, что они родились не в Киеве или Москве, а где-то в Западной Украине или Латвии.

Толстовский Фонд три года хлопотал о благополучном разрешении так называемой "березовской болезни", по имени поэта и писателя Родиона Березова. Он был одним из первых, кто подлежал депортации из США за неправильные сведения в анкетах о месте своего рождения и дачу ложных показаний. Репатриация Родиона Березова в СССР была назначена на 9-ое октября 1954 года.

Трудно себе представить, что американцы - правительство и социальные работники - в то время совершенно не понимали трагедии русских перебежчиков и не понимали, что репатрируя их, они играют на руку коммунистам.

Зато беженцы знали, что их ожидает после возвращения в Советский Союз. Они знали, что в любом другом месте была хоть надежда на свободную и полезную жизнь. "Дома" ее быть не могло.

Только после того, как эти люди переехали в США или в другие свободные заокеанские страны и прожили на свободе месяцы и даже годы, их страх стал понемногу слабеть. На смену ему пришло желание восстановить чувство собственного достоинства, дать правдивые данные о своем происхождении и только после этого принять гражданство страны, которую они полюбили и уважают, и в которой рождаются и растут их дети. Как один из них сказал: "У меня не было никаких угрызений совести, когда я спасал жизнь моей семьи и свою собственную и для этого скрыл свое советское происхождение. Но у меня столько уважения к американскому гражданству, что я могу получить его не иначе, как честно и открыто рассказав о себе правду".

Приблизительное число таких людей определялось в 20.000. Согласно общему закону, преобладающее большинство этих людей не были виновны ни в каком преступлении, кроме дачи под присягой неправильных сведений о себе, что они вынуждены были сделать в целях самозащиты.

Мне пришлось выступать по делу Петра Волковца, прибывшего в США в качестве Ди Пи, но при заполнении документов сказавшего, что родился в Польше, а не в России, чтобы избежать принудительной репатриации. Это было первое дело, слушавшееся представителями отдела Генерального прокурора, от которого зависела его дальнейшая судьба. Прокурор мог сам вынести решение по делу или же передать его на утверждение Конгресса. Так-как это было первое "пробное" дело, то по нему собрали 500 страниц всяких документов, справок, заявлений и опросили большое число свидетелей. Я была одним из таких свидетелей вместе с о. Лызловым, в свое время прошедшим в Кемптене все ужасы принудительной репатриации.

В своем выступлении, я старалась обрисовать всю историю "березовской

болезни" и причины, которые заставили людей, спасавших свою жизнь и жизнь семьи от выдачи советскому правительству, изменить биографические сведения.

Указание статуса иммигрантов, приехавших под фальшивыми именами и национальностями, было одним из самых трудных и тяжелых для нас дел, на которое работники Толстовского Фонда потратили много сил и времени. И невольно напрашивается вопрос: зачем столько лишних волнений и страданий?

Нужно было дать разъяснения, что советские граждане, вступившие в коммунистические организации типа профсоюзов и добровольных обществ под давлением или в силу необходимости получить работу, не должны рассматриваться как лица, представляющие собой коммунистическую опасность (1948 год).

Наиболее разительные случаи отказа во въезде в США активным и ярым антикоммунистам были приведены Татьяной Алексеевной в приложении к общей докладной записке, поданной ею в комиссию по делам Ди Пи в Вашингтоне.

К этой же записке было приложено письмо Владыки Анастасия, обращенное к генералу Айзенхауэру, и докладная записка одного советского экономиста относительно роли профсоюзов в общей системе советского строя, обязательности для каждого работающего быть членом по крайней мере одного из таких называемых "добровольных" обществ, членство в которых выражалось исключительно в уплате взносов, что увеличивало бюджет правительства.

Люди не понимали, почему их боятся пустить в Америку.

И часто ярим антикоммунистам запрещался въезд в США. Тем самым Америка лишалась лучших людей и самых рьяных борцов за свободу, и играла только на руку Советскому Союзу.

Политика американцев была для нас, русских, настолько неприемлема, что я даже записала в своем дневнике:

"Август, 1945 г.

Будет ли Толстовский Фонд существовать? Допустят ли те силы, которые сейчас правят миром, существование такой организации, как наша, хотя и небольшой, но заметной и сильной?"

В одной из докладных записок Татьяна Алексеевна писала:

"...Запрещение въезда русским принимает в некоторых местах массовые размеры. Не успели беженцы из СССР оправиться от пережитого в связи с репатриацией, как над ними был занесен меч, повергший их в ужас.

Одной из целей акта 1948 года об иммиграции в США было дать жертвам нацизма право на устройство своей личной жизни в новой стране - США. Добавление к закону 1950 г. распространило этот закон и на жертвы коммунизма.

Что же мы видим на практике?

Если закрывать дорогу в США тем, кто были членами профсоюзов, то ни один бывший советский гражданин не придет в США. Эта политика будет наружу только Политбюро. И все затруднения происходят только от того, что персонал консульств недостаточно понимает весь русский вопрос.

Я не призываю к снисхождению или либеральному пропуску нежелательных элементов в США! Я призываю только к правильному пониманию проблемы!"

28-го августа 1952 года, в докладной записке в подкомиссию беженцев и перебежчиков Сенатской юридической комиссии Татьяна Алексеевна подробно изложила положение беженцев.

Вся ситуация с русскими беженцами была совершенно ложно представлена

публике, писала Т.А. Шауфус. Не 8.000 русских беженцев, а около 1.900.000 было передано на основании Ялтинского соглашения в руки советского правительства. Это одно из величайших преступлений против человеческих прав и принципов простой порядочности. В результате этого постановления тысячи людей, которых преследовали, как затравленных зверей, меняли свои национальности, подделывали документы или изготавливали фальшивые, иногда не без помощи наших союзных военных, когда они поняли, какой непосредственный ужас возбуждала в беженцах одна мысль о возможности быть репатрированными на родину.

Международные законы лишали их права получать материальную помощь и помощь в устройстве до конца декабря 1951 года. И некоторым дали право выезда только в феврале 1952 года.

Неправильное толкование Закона о внутренней безопасности некоторыми правительственными чиновниками, занимающимися беженцами и перебежчиками, продолжала Татьяна Алексеевна, создало ряд недоразумений с людьми, которых мы обслуживаем и с которыми хотим быть в дружеских отношениях. Недоверие перешло в отчаяние - прекрасная почва для антиамериканизма.

В конце доклада Т. А . Шауфус назвала число беженцев, нуждающихся в разрешении на иммиграцию:

Из Германии, Австрии и Италии	- 5.500
Из Шанхая	-8.500
Из Бельгии	-2.500
Из Триеста	-2.000
Из Ирана	-1.500
Из Индии, Кашмира	-500
С Ближнего Востока (большинство из них кавказцы)	-1.000
Из европейских стран	- 12.000
По приблизительному подсчету	- от 35 до 40 тысяч беженцев.

Естественно, что работа Татьяны Алексеевны не нравилась коммунистической власти. Тщательная слежка велась за ней за границей, где неустанно работали агенты ГПУ, незаметно ликвидируя своих врагов.

Клевета, пасквильные статьи в газетах, подозрительная поломка автомобиля ночью, во время посещения Татьяной Алексеевной одного из лагерей.

- Десять тысяч долларов предлагали мне, - смущенно улыбаясь, рассказал Татьяне Алексеевне преданный ей толстый, добродушный шофер, бывший советский гражданин.

- Ты, говорят они мне, едешь по горам Швейцарии, Италии. Спусти ее под обрыв. Десять тысяч заработаешь.

Георгий Овчинников - Джорж, как его звали американцы, - был до конца преданным другом Татьяны Алексеевны. По каким только дорогам, в какие только часы дня и ночи он не возил ее по всем странам Европы, охраняя ее, помогая ей, никогда не тревожа ее сна, когда она, обессиленная, измученная долгими часами работы, зачастую ночной, засыпала в машине.

Опасная это была работа.

Во время нашей работы с беженцами случалось много трогательных эпизодов.

Часть из них уже позабыта, но некоторые еще живы в моей памяти. Особенно ярко вспоминаются дети и подростки - сироты, оказавшиеся совсем одни на свете.

Помню одного мальчика лет 14-15-ти. Он встретился нам на пристани. На груди у него был плакат: "Я круглый сирота, приютите меня".

И мы приютили его. Мальчик несколько лет жил на ферме Толстовского Фонда, получил образование, стал на ноги и уехал, насколько я помню, в Калифорнию. Сначала переписывался с нами, а затем письма стали приходить реже и реже...

Когда Ваня приехал из Германии, ему было 17 лет. Он осиротел в 1941 г., когда был убит его отец. С 11-летнего возраста он жил у сестры, потом работал на кухне немецкой военной части. Его рабочий день начинался в 3-4 часа утра и кончался в 6-7 часов вечера, но и после этого его еще заставляли чистить обувь немецким офицерам.

В конце 1944 г. Ваня заболел. Во время обстрела в Восточной Пруссии в колено ему попал осколок, и он несколько месяцев пролежал в больнице.

Все свое детство Ваня мечтал учиться, но это ему удавалось лишь урывками, и только в 1947 г., когда он попал в русский лагерь Фишбек, в Восточной Пруссии, он смог, наконец, закончить пять классов гимназии.

Оказавшись на ферме Толстовского Фонда, Ваня немедленно поступил в Хай Скул. Учение давалось ему нелегко, главным образом, из-за незнания английского языка, но Ваня упорно стремился закончить образование. Хороший был юноша. За все время его пребывания на ферме на него не было ни одной жалобы, он был примерного поведения, помогал всем, кому мог, и был хорошим старшим товарищем для детей в лагере.

Была всегда какая-то серьезность, взрослость в этом юноше, в его карих, немного грустных глазах. Уже в ранней молодости это был вполне сложившийся человек, наученный тяжелой жизнью, полной испытаний.

Годы шли. Ваня кончил Хай Скул. Чтобы заработать деньги на университет, он, живя на ферме Толстовского Фонда, работал на соседней картонной фабрике. Заработав немного и заняв недостающую сумму у Студенческого Фонда, Ваня поступил в штатный университет в Охайо. Еще учась и одновременно работая, он выплачивал долг Русскому Студенческому Фонду. Ваня кончил университет в 1961 году.

Он часто посещает приютивший его дом на ферме Толстовского Фонда. С ним приезжают очень милая жена и двое детей. Он теперь инженер-металлург и хорошо зарабатывает.

Помню еще один случай.

Федя был сыном шахтера в одной из южных губерний России. Во время войны он попал в Германию и вместе с другими беженцами приехал в Америку. Английского языка он почти не знал, но очень скоро устроился санитаром в Найакскую больницу, по соседству. Днем работал, вечером учился.

Небольшого роста, живой, с умными карими, все понимающими и наблюдательными глазами, с открытым славным лицом, Федя очень скоро стал общим любимцем. Больные в госпитале полюбили его и помогали ему учить английский язык. У Феде была необыкновенная память. Больные писали ему под номерами сто существительных на листочке бумаги, он прочитывал их раз и затем, когда ему называли какой-нибудь номер, говорил, какой предмет записан

под этим номером.

Работая в больнице, Федя посещал вечерние курсы, сдал экзамены за курс Хай Скул и пошел на военную службу.

К сожалению, в наше время очень мало молодежи, которая не стремится походить на всех. Мы часто слышим от юношей или девушек, когда они делают не то, что нужно: "Все так поступают". Федя никогда не поддавался под влияние товарищей, - наоборот, он имел большое влияние на молодых людей, с которыми общался. В военном бараке он задался целью отучить ребят от сквернословия. "Представьте себе, - рассказывал он мне, весело улыбаясь и сверкая глазами, - наш барак был единственным, где перестали ругаться. И прекрасно".

Он рассказывал, как отучился курить. "Трудно было, пришлось над собой поработать, но все-таки отвык, и... прекрасно". Он любил людей, и все окружающие любили его.

Я как-то читала лекцию в штатном университете в Иллиное, где учился Федя. Он сидел в первом ряду и после лекции задал мне ряд вопросов. Затем мы были приглашены на чашку чая к одному из профессоров, где собрались все преподаватели факультетов. Федя никогда не бывал в профессорском обществе и немного робел. "Ничего, - учила я его, - когда входит дама - вставайте. Никогда первый не подавайте руку...". И Федя вел себя как настоящий джентльмен. Не успела я оглянуться, как все внимание профессоров сосредоточилось на нем. Я отдыхала. Федя демонстрировал свою исключительную способность запоминать сто слов, а затем профессора расспрашивали его о Советской России, о нужде простого народа, жестокости Советов, репрессиях. Это была вторая лекция в этот вечер, пожалуй, интереснее моей.

Мне жаль, что я не вижу больше Феде, этого умного, сильного, много испытавшего, самовоспитавшегося силою своей воли человека.

Знаю, что он живет где-то на западе. Изредка присылал мне поздравления к Рождеству, и я узнала, что он уже имеет семью, работает инженером и очень счастлив.

Иногда бывает грустно, что люди, судьба которых была так близка нам, работникам Толстовского Фонда, - бесследно исчезают, уходят из нашей жизни. Но как сохранить с ними связь? Их были тысячи...

Главная работа Т. А. Шауфус проходила в Европе, но два раза в год она приезжала в США, останавливалась в крошечной комнатке старого флигеля, где ютилась наверху Ксения Андреевна Родзянко, а в нижней большой комнате с террасой жила я.

Иногда мы ездили по Америке, стараясь заинтересовать американцев работой Толстовского Фонда. В конце 40-х годов были созданы комитеты Толстовского Фонда в нескольких больших городах: в Лос Анжелесе, Сан Франциско, Детройте, Чикаго, Далласе. Во все эти комитеты вошли не только видные американцы, но и русские - старожилы этих городов. К несчастью, как только мы переставали посещать эти города - работа прекращалась, а в отсутствие Татьяны Алексеевны я не имела времени часто бывать там. С годами работа замерла. Конторы распались.

В один из наших приездов в Лос Анжелес русские устроили собрание, на котором Татьяна Алексеевна и я выступили с докладами о деятельности Толстовского Фонда. Зал был переполнен. Слушали внимательно, многие из

публики весело улыбались и знаками приветствовали Татьяну Алексеевну. Это были эмигранты, которых она интервьюировала в Европе и которым помогла приехать в США.

В своих докладах мы коснулись необходимости создать дома для русских престарелых.

Незаметно пролетали годы... После многих тяжелых испытаний и болезней люди теряли силы, подкрадывалась одинокая старость на чужбине - без языка, часто без родных...

Но как привести это дело в исполнение? Откуда взять средства, чтобы построить дома для престарелых?

Когда мы кончили доклады и публика стала задавать вопросы, на эстраду вышел мужчина средних лет, Я заметила, что у него действовала только правая рука, а левая безжизненно болталась.

- Вот мы выслушали доклады Александры Львовны и Татьяны Алексеевны Шауфус. Они нам сказали, что необходимо позаботиться о наших стариках и организовать дома для престарелых, - обратился он к собранию, жестикулируя здоровой рукой. - Сколько нас, русских, в Америке? Больше миллиона. Давайте урезывать себя в курении на две пачки папирос в месяц (тогда папиросы стоили 25 центов пачка) и посылать стоимость двух пачек - 50 центов в месяц - на постройку дома для престарелых!

Он говорил с убеждением, горячо, а когда кончил - на эстраду один за другим начали подниматься люди и на стол посыпались деньги. Это был первый сбор на дом для престарелых.

Приехав в Нью-Йорк, мы описали в газетах все, что происходило в Лос-Анжелесе, и просили русских людей последовать примеру калифорнийцев и жертвовать 50 центов в месяц на дом для престарелых. Толстовский Фонд собирал эти деньги несколько лет. Добрые и отзывчивые люди, в громадном большинстве небогатые, скромно зарабатывающие на жизнь, присылали свои пожертвования. И за несколько лет набралась внушительная сумма в 58.000 долларов! Эта сумма и дала возможность начать постройку дома № 1, который уже функционирует много лет.

Дом всегда переполнен, и обычно 15-16 престарелых ожидают очереди, чтобы попасть в него.

Вскоре после первого дома был открыт дом № 2, переделанный из офицерской столовой, которую перевезли из Оранжебурга, - там во время войны стояла большая военная часть. В нем помещается 20 престарелых. Как-то Толстой сказал: "Чем больше делаешь, тем больше у тебя времени". Когда люди ничего не делают или делают "ничего", как выразился Толстой, - им всегда некогда.

Из Швеции в Соединенные Штаты

После войны, чтобы спастись от коммунистических агентов, рыскавших по Европе, русские люди часто ставили на карту свою жизнь. Мне хочется привести рассказ одного из беженцев, Владимира Бондаренко, который предпринял фантастическое путешествие через Атлантический океан, чтобы начать новую, свободную жизнь. Вот как описывает он свою дорогу через океан.

Глубокой ночью, 4 августа 1950 года, из порта Фалькенберг, в южной Швеции,

вышел очень странный корабль. На корме этого маленького деревянного судна, водоизмещением в 80 тонн, не развевалось никакого флага, на его обшарпанном корпусе не было никакого названия. Ни одна страна, ни одна гавань мира не считала его своим. Корабль-фантом медленно полз по уснувшей, клубящейся предрассветным туманом реке, направляясь в просторы открытого моря.

Палуба корабля была беспорядочно завалена ящиками, чемоданами, большими свертками, покрыта брезентом. Трюм вместо груза до отказа был забит пассажирами. 108 человек - мужчины, женщины и дети, начиная с семимесячного младенца и кончая почтенной матроной 84 лет. Среди этих людей, в большинстве своем балтийцев, находился и я. Нам предстояло пройти свыше 8.000 километров, пересечь Северное море и Атлантический океан, чтобы добраться до Америки. Никто из нас не имел никаких въездных документов, мы не имели права на въезд ни в одну страну земного шара. Мы не могли бы даже вернуться в Швецию, так как никогда не были шведскими гражданами.

Что же заставило нас, столь разных по возрасту, профессии и национальности, собраться вместе и пуститься в рискованный путь, навстречу неизвестности, на утлом деревянном суденышке, совсем не предназначенном для покорения океана? Отнюдь не страсть к приключениям: почти все мы, даже дети, уже успели пережить слишком много. Именно чтобы избежать таких переживаний в будущем, мы и снялись с мест, успевших уже в какой-то степени стать насиженными. При всем нашем различии мы имели одну общую черту - все мы были беженцами из-за железного занавеса. Мы видели собственными глазами, ощутили на наших телах и душах то, о чем наши временные хозяева, культурные и гостеприимные шведы, только читали в газетах, часто со скептической улыбкой и недоуменным пожиманием плеч. До приезда в Швецию каждый из нас не рисковал жизнью, иногда теряя при этом то, что дороже самой жизни. Мы больше не хотели жить в вечном страхе, ожидая своей последней минуты. Слабая, зажатая со всех сторон большевизмом Швеция, цепляющаяся за свой эфемерный нейтралитет, не могла спасти нас от пытки вечного страха.

На собранные тяжелым трудом деньги группа латышей приобрела старый, забракованный минный тральщик прибрежного плавания, водрузила на него купленный отдельно дизель-мотор в 400 лошадиных сил и стала готовить судно к плаванию. К инициаторам присоединились эстонцы, поляки и двое нас, русских. Люди упорно работали целыми месяцами, стараясь придать своему ковчегу хоть сколько-нибудь мореходный вид. Все мы были знакомы друг с другом и связаны общей тайной. Правда, со временем она превратилась в секрет Полишинеля: о нашем корабле открыто стали писать шведские газеты. В целях конспирации его перевели из Гетеборга, где он оснащался, в порт Фалькенберг, но и здесь о нас скоро заговорил весь город. Чтобы весть не дошла до советских ушей, точный день отъезда тщательно скрывался, его даже не сообщали рядовым участникам путешествия. Всем было предложено съехаться на корабль недели за две до выхода в море. Чтобы избежать преждевременной скученности и тесноты, многие жили на берегу, в палатках или просто под открытым небом; тут же готовили себе пищу, играли в карты, загорали на солнце и удили рыбу. Наконец, мы вышли в море.

Вначале водная стихия оказалась милостивой. Обычно суровое Северное море оставалось спокойным и ласковым. Но при выходе в Атлантический океан мы попали в настоящий шторм. Море начало бесноваться вечером 8 августа, когда

еще видны были прощальные огоньки английского берега. Буря продолжалась без перерыва несколько дней. Наш маленький кораблик то взлетал на гребни волн, то нырял в глубину. Стонали и ныли деревянные перегородки. Вещи, развешанные по стенам, качались, как маятники, и срывались с крючков. Вода перекачивалась через палубу, дождем лилась в переполненный людьми трюм, на голову, за воротник, на одеяло, заливала пищу. Многие страдали от морской болезни и не могли есть, целыми часами они лежали на парусиновых койках. Другие, напротив, проявляли несвойственную им подвижность и не могли усидеть на месте..

На девятый день нашего пути стихия, наконец, одумалась и постепенно успокоилась. Все вошло в норму. Вернулся аппетит, на корме возобновилась чистка картошки, а в камбузе - варка каши. До самых Азорских островов у нас не было никаких значительных приключений. Мы шли необычным, ненаезженным морским путем.

На всем просторе океана до самого горизонта не было видно не дымка, ни паруса. Только четыре морские свиньи; большие дельфины, которых Колумб в свое время принял за русалок и с огорчением отметил, что красота их сильно преувеличена, развлекали нас время от времени, целыми стаями резвясь вокруг корабля. 15 августа в 3 часа 15 минут пополудни раздался традиционный, но всегда такой радостный, волнующий и дразнящий воображение крик: "Земля!". На далеком горизонте виднелась едва различимая, сливающаяся с небом, похожая на маленькое расплывчатое облачко вершина горы. Над кораблем появились чайки.

На Азорах, в порту со звучным именем Ангра-ду-Эроижму, мы сделали запас пресной воды и взяли бочку горючего для нашего верного дизеля. С любезного разрешения властей, мы несколько часов бродили по крутым улицам города, любовались широколиственными банановыми пальмами, скромными черноокими синьоринами и пышными синьорами, шествовавшими в сопровождении слуг, живописными босоногими португальцами. Маленькие ослики героически тащили тележки с многопудовой поклажей. Мимоходом мы отметили, что в отличие от известных нам образцов, в вотчине генерала Салазара не было ни развешанных повсюду портретов диктатора, ни широковещательных лозунгов, рекламирующих достоинства режима, и только объявления о предстоящем бое быков попадались на каждой улице.

Вечером, когда на склоне спускающейся к морю горы зажглись беспорядочные огоньки, похожие на причудливые, невиданные созвездия, мы, под заунывные, но приятные звуки песни "Куртутеси", затянутой нашими друзьями-латышами, снялись с якоря и отправились дальше, в неизвестность.

По обеим сторонам корабля текла река водорослей, принесенных Гольфстримом из Мексиканского залива. Дети, подцепив их крючками, вытаскивали на палубу и выбирали маленьких цепких крабов, уродливых креветок, иногда пятнистых мохнатых рыбок, впившихся в крошечные ягодки водорослей. Ночью море вокруг нас искрилось радужными огоньками, длинная серебристая дорога луны рассекала ее пополам, и какие-то таинственные существа звучно плескались в темной воде. При выходе из полосы Гольфстрима мы попали в густой туман. Корабельная труба отрывисто гудела, раздвигая молочную стену.

Приближалась Америка.

До Бостонского маяка по морской карте оставалось меньше 200 миль. Прodelали мы их без особых приключений.

Все чаще и чаще нам приходилось задумываться над вопросом: а как встретит нас, беспаспортных заокеанских бродяг, Америка.

У большинства наших балтийцев в Америке нашлись родственники и старые знакомые, которые нас часто навещали.

У нас, русских, проведших большую часть жизни за железным занавесом, таких связей не оказалось, но свет, как известно, не может существовать без добрых и хороших людей. Появились и у нас гости. Добрый М. В. Вишняк с супругой привезли нам целую гору снеди. Приехал В. М. Зензинов. Александра Львовна писала письма. Заботливая сотрудница Толстовского Фонда Е. И. Томашевская не раз навещала нас, чтобы справиться о наших нуждах. Когда американские власти, разобравшись в делах нашей группы, решили впустить всех нас под залог, мы, безденежные русские, опять оказались бы в затруднительном положении, если бы не Толстовский Фонд, который пришел нам на помощь и внес требуемую сумму. Мы обрели свободу. Я с университета знаю английский язык, и счастье мне улыбнулось. Америка прекрасная страна, где каждый может найти свое место в жизни.

Таков бесхитростный рассказ Владимира Бондаренко о его эпопее... И сколько еще было таких необыкновенных случаев, в которых пришлось принимать участие Толстовскому Фонду!

29 марта 1952 года, утром, в порту Нью-Йорка, когда транспорт "Генерал Тейлор", пришедший из Бремерхафена, пристал к берегу, для 23 русских беженцев закончилось путешествие, длившееся более четырех лет. Люди крепкие, загорелые, большею частью молодые (среди них женщина и девочка), они ждали, когда их отпустят фотографы и журналисты. Затем по тяжелым сходням сошли на американскую землю. И для них началась новая жизнь.

Первые вести о том, что в Калькутту прибыло 19 человек "русского происхождения", бежавших из Синкьянга через Тибет от красных, дошли до Толстовского Фонда летом 1951 года. Из 117 человек, вышедших осенью 1947 года из Шарасуминского округа на Алтае, где СССР граничит с Монголией и Китаем, и из провинции Синкьянг, уцелела только эта маленькая группа. За 4 с половиной года они покрыли 5.000 миль и добрались до берегов Ганга.

Кто эти люди? Откуда? Они - староверы. Жили на Алтае, в поселке Шинкур, рядом с г. Урумчи, где крестьянствовали, разводили скот, сеяли яровую пшеницу, овес и даже, несмотря на суровый климат (зимой температура доходила до 40 гр. мороза), выращивали овощи: помидоры, арбузы. Жили хорошо - просторные избы из круглого леса, крытые тесом. Жизнь была, как принято у староверов, патриархальная, дружная. Гражданская война, сибирские атаманы, поход Колчака были еще свежи в памяти старшего поколения.

Но постепенно коммунистическая язва стала проникать и в среду мирного населения староверов. Около 1934 года появился молодой, энергичный агитатор Яков Малик, ставший позже представителем Советского Союза в ООН. Агитаторы смущают молодежь в городах, то тут, то там вспыхивают бунты. Постепенно губернатор провинции (Дубани) оказывается окруженным московскими советниками. Мелькают пришлые люди. В разных местах

провинции начинаются беспорядки.

Кремль, следуя принятой тактике, то разжигает, то подавляет восстания, топя города и села в крови.

В то время войско атамана Османа Бадург еще не было окончательно разбито, и он со своими тремя тысячами верных людей героически отбивался от красных в северном Синкьянге. Это был неграмотный, громадного роста человек, лет пятидесяти, в остроконечной барашковой шапке, с бородой по пояс, со свирепым и умным лицом. Он принял бежавших русских, выдал им вооружение, новых коней, зачислил всех на службу, кормил их, одевал и даже платил жалование.

Для защиты от красных банд жители Шинкура получили оружие от правительства Чан Кай-ши. Выходили они работать на свои поля вооруженные. "Одной рукой сеем, другой - винтовку держим", - рассказывали староверы. Они бессильно наблюдали, как при каждом новом восстании ликвидировали то "белых" русских прапорщиков старого времени, ставших генералами в армии Чан Кай-ши, то мусульманское духовенство, то контрреволюционно настроенных киргизов. Советское консульство в Урумчах гудело, как улей; агенты приезжали, уезжали, меняли имена, внешность; исчезали - и снова появлялись с другими паспортами.

В 30-х годах Малик был негласным хозяином Синкьянга, всецело подчинил себе губернатора и угрожал, что если что-либо будет не так, как угодно Москве, красная армия "войдет" в провинцию и "пройдет" на Восток...

В 1942 году приехала в эти места жена Чан Кай-ши. Коммунисты на время ушли. Но в 1945 году они снова появились, и их сторонники подняли голову.

"Ялтинская конференция придала им силы, - говорили шинкурцы, - они почувствовали почву под ногами. И мы поняли, что скоро не будет нам жизни, но сдаться без боя не хотели, тем более, что в руках у нас были ружья и маузеры".

В Урумчи - столице губернии - русская эмиграция была частично ликвидирована и частично - вынуждена взять советские паспорта.

Были среди них выдающиеся люди. Одним из них был русский консул царского времени, 80-летний старик. У него отняли все, близких он потерял; консульскую церковь превратили в склад казенных товаров, переправили колокола на пушки. Но он остался в городе, и по-прежнему продолжали к нему ездить ученые китайцы из Пекина и Шанхая: он известен был на всю страну как специалист по древней китайской литературе и китайской истории. Когда последние друзья предлагали ему вместе с ними бежать из Урумчи, он отвечал:

"Куда? Зачем? Я слишком стар. Здесь прошла моя жизнь".

Как окончил свою жизнь этот замечательный человек и что стало с его драгоценной библиотекой - не узнает, конечно, никто.

Все тяжелее и тяжелее становилась жизнь староверов на Алтае в поселке Шинкур. Наступил, наконец, день, когда пахать с винтовкой в руках оказалось небезопасно. Все лето 1927 года продолжались восстания, пожары, набеги, убийства и грабежи красных. В Шарасуминском округе ничего не было известно: ни сколько у Чан Кай-ши войск, ни кто сильнее, ни будет ли защита. Война подходила все ближе, советские войска приближались, китайцы и киргизы уходили под командование антикоммунистических генералов. Появились первые чины НКВД... И в одну из осенних ночей, уже холодных и черных, в октябре 1947 года, около ста мужчин, дюжина мальчиков-подростков, женщина и девятилетняя девочка, отстреливаясь и отбиваясь от наступающих красных орд, покинули свои

деревни, на конях переплыли реку и, не оглядываясь на зарево, пылавшее над родными местами, ушли в ту сторону, где они предполагали найти сражавшиеся против красных регулярные войска.

В деревнях остались лишь женщины, дети и старики...

"Рассказать нельзя, что эти злодеи делали, как бесчинствовали, - говорила мне мать одного из молодых староверов, через много дней чудом попавшая в США. Женщин насиловали... Я раз не выдержала, ухватила невестку за руку...

"Не дам вам, - кричу, - изверги, на позор ее", - так они меня чуть не убили. А с мужчинами что делали?.. выговорить не могу...".

" В 1947 году, - рассказывал Киприян Чанов, начальник этого изумительного похода, - началось наступление красных и мы решили бежать. Нас было 117 человек. Бросили жен, детей, имущество, взяли только, что могли на коней навьючить.

Лишь одна семья оказалась среди беглецов: муж, жена и 9-летняя девочка. Остальные оставили свои семьи. Чудом Божьим и девочка, и ее мать выдержали этот необыкновенный поход - верхом и пешком. Пережили они все трудности и невзгоды.

Когда перешли границу - на нас напали красные китайцы. Мы отбились, но идти дальше побоялись. Спрятались в горах Бессана. Здесь мы перезимовали и прожили целый год. Выкопали землянки, поставили печи. Кругом леса, дров много. Дикае козы, медведи - мяса было вдоволь. Но лишние зверей не били - патроны берегли. Из козьих шкур сшили одежду и сапоги. Среди нас были и сапожники, и портные. Иголки у нас были, а ниток не нашлось. Но мы придумали: вырезали жилы из коз, растягивали и сушили. Получались крепкие нитки - ими и шили. Всякой одежды себе наготовили: куртки, полушубки, сапоги...

Спички были, но мы их экономили. Огонь кремнями высекали. Посуды было мало, у каждого по котелку.

Шли только по горным диким местам. Было несколько стычек с красными. Отбивались, бросали гранаты...

Шли дальше, дальше, часто не зная, куда приведет нас судьба, но твердо веря, что, спасаясь от красного террора, мы идем к свободе!

Самое страшное для нас на протяжении этого долгого пути были не холод, не голод, не дикие звери, а нападения советских, китайских и монгольских красных бандитов. Более ста таких стычек мы выдержали на протяжении своего долгого пути. Иногда приходилось днем прятаться в лесах или в горах, а идти только ночью. От группы в 117 человек осталось всего лишь 23, которые каким-то чудом добрались до Тибета и до границы Индии.

Правда, шкур оленьих, медвежьих у нас было много. Когда шли по горным ледникам - стелили их на снег, накрывались ими, но все-таки мерзли ребята, особенно за женщину и девочку было страшно - того и гляди, замерзнут. Вот и ходишь всю ночь, наблюдаешь. Бывало, по пять ночей не спишь. А если идешь днем или сядешь верхом на лошадь - засыпаешь. Чтобы не заснуть, я делал так: уцеплюсь за хвост коня - а конь у меня был хороший - и иду... Один раз иду, вижу сон: подхожу к глубокой пропасти, не удержался, лечу вниз... Просыпаюсь. Оказывается, упал спросонок. Верите ли, как попали мы в цивилизованные страны, первое время я никак не мог от снов отделаться: снились мне горы, вечные снега, страх, что вот-вот красные нападут...

Ох, теперь, когда вспомнишь, как все это было, думается, второй раз никогда не выдержал бы... Надо было все силы собрать, а главное - иметь твердое решение уйти от красных. Лошади и верблюды, на которых была погружена амуниция, падали от изнеможения. Отец и мать Шараповы вели под уздцы лошадь, на которой дремала их дочка, привязанная к седлу. Иногда мы попадали в перестрелку. То остерегались местного населения, то доверяли ему, следуя, как звери инстинкту, много не рассуждая и не спрашивая. Шли и шли, переплывая реки, переходя болота, встречая на пути то безводные пространства Гансу, то холмы и камни Чинхей. Один раз, под вечер, пересекли Императорскую Великую Китайскую дорогу, другой раз, на рассвете, увидели вдали первые снежные горы. Пустыню Гоби задели краем - четыре дня и четыре ночи шли по ней, запасшись водой:

наполнили ею свежие бараньи шкуры и погрузили их на верблюдов. Этим спасли и верблюдов, и себя.

Кони, хоть и запасные были, все пали. Воровали лошадей и верблюдов у населения. Раза два хлеб и рис у людей отнимали. Но к мясу мы привыкли. По-разному готовили: коптили, варили, жарили.

И вот что удивительно: никто не болел. Только когда стали переходить Гималаи, многие распухли. Нам говорили, что медвежья желчь помогает. Мы и вынимали желчь из медведей, засушивали ее. Отломишь кусочек, положишь в воду и пьешь. Как будто помогало...

Четыре с половиной года мы не мылись... Потрешь снегом лицо, руки - вот и все мытье...".

Когда дошли до Тибета, правительство разрешило им временно остаться. Оружие у них отобрали, но заплатили за него. Буддийские монахи им помогали. Они прожили в Лаосе 9 месяцев.

Бурыгин, первый начальник экспедиции, в Лаосе заболел, его оперировали, а его место занял 23-летний Куприян Чанов. Здесь все оделись заново, обулись, откормились... Но война шла за ними, и они ни на минуту не забывали, что Тибет только передышка и что надо уходить дальше.

Беженцы из красного Китая, приставшие к ним, вместе с ними перешедшие границу, проявили себя в Тибете советскими людьми, под видом "жертв коммунизма" вторгнулись в эту страну. И здесь вскоре также началась советская пропаганда, те же беспорядки, и та же страшная угроза НКВД.

Тибет в те месяцы 1950 года был крепостью накануне сдачи. Но некоторое время все-таки пришельцам удалось там передохнуть. Много сказочного пережили они в этом краю, где сейчас уже не осталось камня на камне от таинственного прошлого. Орды китайцев, монголов, русских смели тысячелетнюю мысль и тысячелетнюю волю этой заповедной страны. Но китайцы еще видели ее во всей ее загадочности и таинственности. Они побывали на высоте 18.000 футов и спускались в Гималаях тропами, где до них не ступала человеческая нога; они видели Лхассу - город лам и храмов; они испытали на себе странную силу атмосферного электричества. И людей они встречали, каких нигде больше нет на свете: желтолицых "принцев", бежавших от красных, и с сокровищами своими, семьями и несколькими приближенными скрывавшихся в горах, в таких местах, куда никто не знает дороги и куда можно попасть только с проводниками.

Что делали они в этой стране и сколько в ней оставались? Они старались заработать себе на жизнь дублированием кож, покупая сырье у китайцев и продавая фабрику киргизам.

Тибетское правительство, дружелюбно настроенное к Чан Кай-ши, отнеслось к ним сочувственно. Поддержку они нашли также у консула в Лаосе. Получив визы на въезд в Индию, они вышли из Тибета и направились на юг, чтобы пройти пешком последнюю тысячу миль до Калькутты. Ни о ком из остальных спутников, исчезнувших еще в китайских провинциях, они никогда ничего так и не узнали, никаких антикоммунистических военных частей больше не встречали и в конце 1951 года прибыли в Калькутту. Мальчики стали взрослыми мужчинами, "старички" постарели, Таня Шаропова из ребенка превратилась в подростка...

Индия приняла их с условием, что они пробудут не более трех месяцев в Калькутте и выдала транзитные визы. Они получили солдатский паек. Толстовский Фонд посылал им пакеты КЭР.

Из Калькутты раздался их призыв. Толстовский Фонд выхлопотал иммиграционные визы и привез их в Америку. И вот, наконец, после длинного путешествия, длившегося 5 с половиной лет, они в США - на свободе!

Они выходят из автомобилей у ворот Толстовской фермы. Их на крыльце встречают хлебом-солью, по старому русскому обычаю. В маленькой церкви начинается молебен...

Теперь все староверы хорошо устроились, все работают. Чанов живет поблизости от фермы Толстовского фонда. В воскресенье бывает в церкви с семьей. Он женился. У него шестеро детей. На работе его ценят, и он доволен своей судьбой.

**Die Tolstoi-Bibliothek wird gefördert durch
den Beauftragten der Bundesregierung für
Kultur und Medien.**

Die Tolstoi-Bibliothek ist auf Spenden angewiesen.
Bitte unterstützen Sie uns durch eine steuerlich
abzugsfähige Spende auf unser Konto:

Толстовская библиотека нуждается в пожертвованиях.
Все пожертвования списывается с налогов:

Nr. 78 24 302 (BLZ 700 205 00)
Bank für Sozialwirtschaft, München
Tolstoi Hilfs- und Kulturwerk, e.V.